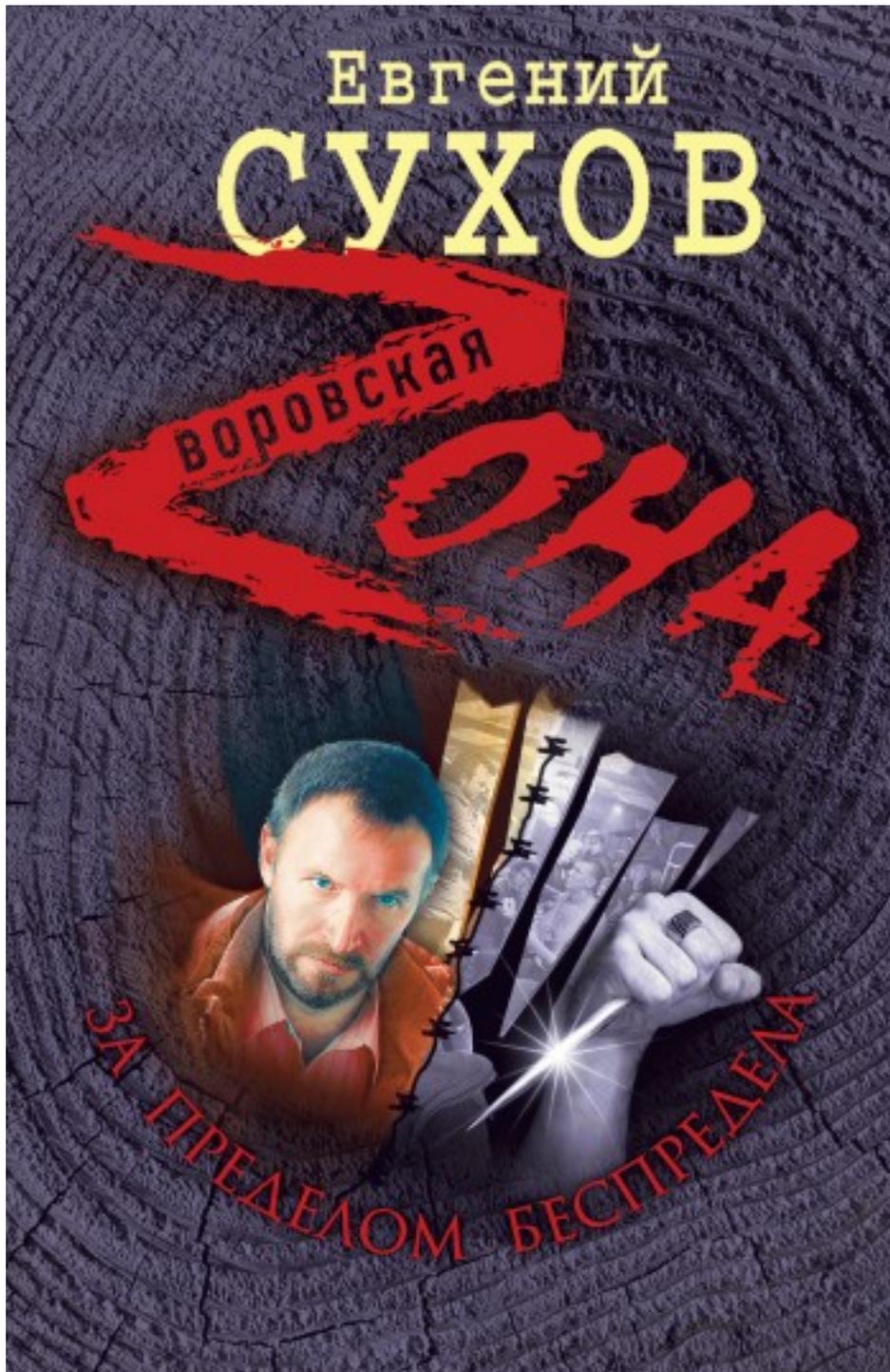

Евгений
СУХОВ

Воровская

БОГА

ЗА ПРЕДЕЛОМ БЕСПРЕДЕЛА

Евгений Евгеньевич Сухов
За пределом беспредела
Серия «Варяг»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=179849
За пределом беспредела: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-34416-1

Аннотация

Ни за что не полез бы Варяг во власть. Не по понятиям это – вору в законе, смотрящему России в госчиновниках ходить. Однако пришлось. Выбор-то невелик: либо работаешь тайным агентом бывшего чекиста, либо нары давишь на зоне. Зоной Варяга не смутишь, да только ему ли не понимать, что бывает с теми, кто слишком много знает...

В кресле высокопоставленного чинуши Госнабвооружения вор в законе почувствовал себя на удивление комфортно – управлять людьми ему не впервой, да и соображалка работает получше, чем у иных бюрократов. Но кое-кому новые дела Варяга, видно, пришлись не по вкусу – от рук киллера гибнут люди смотрящего, и за всем этим стоит некто Глухарь. Убийца подобрался уже совсем близко – пора линять из мягкого кресла и разбираться, что к чему...

Содержание

Часть I	4
Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	33
Глава 9	39
Глава 10	41
Глава 11	43
Глава 12	47
Глава 13	50
Глава 14	53
Глава 15	56
Глава 16	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Евгений Сухов

За пределом беспредела

Часть I

ИНТЕРЕСНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Глава 1

НЕОЖИДАННОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ

Начальником группы захвата был широкоплечий капитан с таким мрачным лицом, что казалось, будто он не улыбался с момента своего появления на свет. Капитан тронул Варяга за локоть и, когда вор обернулся, сухо произнес:

– Советую не делать резких движений. Мои парни настроены очень решительно. И потом, если говорить откровенно, у меня не было приказа доставить вас непременно живым и невредимым. Так что, если я привезу вас по частям, начальство не обидится.

Владислав не отвел взгляда, с легкой насмешкой отвечал:

– Чего же ты ждешь тогда? Кругом никого. Можете пристрелить меня прямо здесь, а после оформить как сопротивление при задержании.

– Не учи ученого! – злобно процедил капитан.

Два сержанта настороженно смотрели на Варяга, держа автоматы стволами вниз. Было видно, что они готовы в любую секунду вскинуть оружие и открыть огонь на поражение. Поодаль в темноте маячило еще несколько фигур в беретах. Пытаться бежать не имело смысла.

«Ишь как все серьезно, – подумал Варяг, не теряя хладнокровия. – Они и вправду настроены стрелять. Чья же это затея, интересно?»

– В машину его, – приказал капитан. Казалось, он с трудом сдерживается, чтобы не последовать совету своего пленника и не расправиться с ним тут же, на месте. – Наденьте на него наручники.

Щелкнули стальные браслеты, больно зажав складку кожи. По тропинке Варяга подвели к милицейским машинам – «Волге» и «уазуку». Из «Волги» вышел молодой лейтенант и распахнул заднюю дверцу.

– Милости просим, – сказал он таким угрожающим тоном, что Владислав удивленно посмотрел на него и подумал: «Белены они что ли все обьелись?»

Пригнувшись, вор влез в салон и уселся на заднее сиденье. По обе стороны от него разместились сержанты. Стволы их АКСУ упирались Варягу в ребра.

Капитан плюхнулся на сиденье рядом с водителем и скомандовал:

– Поехали! На трассе не забудь включить мигалку.

Машины закачались на ухабах проселка. Наконец, взревев форсированным двигателем и разбрасывая комья земли, «Волга» вырвалась на шоссе и под вой сирены помчалась в левом ряду, оттесняя вправо даже быстроходные иномарки. «Уазик» вскоре безнадежно отстал.

– А нельзя ли без этой помпы? – морщась, осведомился Варяг. – Мы что, до Бутырки не доберемся, если спокойно поедем?

Капитан невольно улыбнулся:

– Вижу, не рад ты почестям. А ведь тебя небось за генерала принимают.

Варяг усмехнулся в ответ:

– Ты, капитан, видно, совсем в мастьях не разбираешься. Я ведь и есть генерал, только не ментовский, а воровской.

Сказано это было без всякого гонора, но обыденность интонации только усилила смысл слов. Сержанты впервые с нескрываемым интересом посмотрели на Варяга. Они, видимо, понятия не имели о том, на чьих руках защелкнули браслеты, и принимали Варяга за обыкновенного бандита.

– Думаешь, мы тебя везем в Бутырку? – злорадно сузил глаза капитан. – Ошибаешься. Есть тут один лесок неподалеку, в котором частенько находят трупы, большинство из них с огнестрельными ранениями. Опознать их чаще всего не удастся, вот они и лежат по нескольку месяцев в холодильниках, а потом на них студенты-медики начинают практиковаться. Мы сделаем так, что твой труп тоже не опознают. Жаль мне тебя – не будет у тебя пышных похорон, как это бывает у коронованных. Ты просто исчезнешь.

Сидевший за рулем лейтенант включил мегафон, схватил с держателя на панели трубку и осыпал яростной бранью «Мерседес», не желавший уступать полосу движения.

А капитан продолжал сокрушаться:

– У тебя даже могилы не будет. Если бы тебя пристрелили где-нибудь в городе, ты стал бы легендой. Отгрохали бы тебе гранитный памятник высотой со скалу, на каждую годовщину смерти приезжали бы законные, поливали бы холмик водкой. Пацаны приносили бы воровскую клятву на твоей могиле...

– Ты можешь заткнуться? – сдержанно спросил Варяг.

– Вот мы и приехали, – вместо ответа объявил капитан. Его губы злорадно искривились: – Паша, поворачивай к лесочку. Самое подходящее место для того, чтобы пришить этого типа.

– Понял, – с готовностью отозвался водитель-лейтенант.

Сирена умолкла, и «Волга», неловко переваливаясь с боку на бок, покатила по проселочной дороге к лесу. Свет фар прыгал по придорожной траве и по разъезженным колеям. Вскоре на шоссе показался «уазик» и остановился на обочине у съезда с асфальта на проселок, предупреждая таким образом появление нежелательных свидетелей.

– Стоп, – скомандовал капитан, когда ветки деревьев заскребли по крыше «Волги». – Выходим.

Один из сержантов выскочил из машины и наставил автомат на вылезавшего следом за ним Варяга. Лейтенант погасил фары.

– Сюда, – показал капитан на боковую тропинку и, посвечивая себе фонариком, зашагал по ней первым.

За ним шел Варяг, за Варягом – два сержанта, по-прежнему с автоматами наизготовку. Замыкал шествие лейтенант с пистолетом в одной руке и с фонариком в другой. Варяг, в общем-то, был спокоен – он уже понял, что задержали его не просто по случайной наводке как беглого зека, а значит, тем, кто отдал приказ о задержании, он, Варяг, нужен живым – как хранитель общака, как человек с огромными связями. Заезд в лес потребовался для того, чтобы взять его на понт и сразу сломать. Как менты думали этого добиться, Варяг не знал. Может, только поугадают, а может, раздробят пулями коленные чашечки и переломают все ребра. Стоило, конечно, попытаться от них дернуть, чтобы не выяснять на собственной шкуре, насколько серьезно они решили за него взяться, но, оценив ситуацию, Варяг отбросил эту мысль. Сержанты двигались за ним не гуськом, а по краям тропинки, не закрывая друг другу сектор обстрела, – это Варяг понял по тому, как мягко звучали их шаги, и как шумела под их ногами приминаемая трава. Сзади их страховал лейтенант. На то, чтобы открыть огонь, им требовались бы доли секунды. Убить его, скорее всего, не убьют, но покалечат основательно – так что не стоит раньше времени провоцировать лягавых на стрельбу.

– Стоять! – поворачиваясь и ослепляя Варяга светом фонарика, приказал капитан. Он расстегнул кобуру и вытащил пистолет. – Посмотри сюда! – показал он лучом фонарика себе под ноги. – Это твоя могила.

Варяг действительно увидел свежевырытую яму – узкую, но глубиной не меньше двух метров. Она походила на разверстую жадную пасть и среди окружавшего мрака производила зловещее впечатление. Если в этой глуши прозвучит выстрел, его никто не услышит. «А может, менты решили удовлетвориться тем, что лежит на даче, а от меня избавиться? – подумал Варяг. – Ладно, будь что будет. Не стоит помирать прежде смерти».

– Ну, как, понравилась могилка? Тебе теперь здесь вечно лежать! На колени! – заорал капитан, направляя дуло пистолета прямо в глаза Варягу. – На колени, падла! Я кому сказал! Чего лыбишься, сука? Да я ж тебя сейчас урою!

– Многие пытались, а я, как видишь, живой пока, – спокойно возразил Варяг.

– Считаю до десяти, – заявил капитан. – Если не встанешь на колени, то на счет «десять» вышибу мозги из твоей башки.

– Ну, ты артист, капитан! – насмешливо произнес Варяг. – Прямо Качалов. Вы для убедительности хоть лопаты прихватили бы...

Молодой лейтенант не сдержался и хихикнул. Капитан заметно смутился, но, пытаясь сохранить лицо, грозно прорычал:

– Что, слишком борзый, что ли, да? Мы же тебя тут сейчас так отмудохаем – месяц кровью ссать будешь – и всю жизнь на аптеку станешь работать!

– Ты что, и вправду думаешь, что я на колени встану? – искренне удивился Варяг. – Думаешь, меня в жизни мало били?

Лица милиционеров заметно заскучили: было ясно, что вор раскусил их игру и представление испорчено. Капитан поколебался некоторое время, а потом сунул пистолет в кобуру и будничным голосом произнес:

– Ладно, отставить. Пошли к машине.

– Так-то оно лучше, – покровительственным тоном промолвил Варяг.

«Волга», вновь оставив позади «уазик», не сбавляя скорости, влетела в Москву. Сержанты постовой службы, заметив проблесковый сигнал, мгновенно перекрывали движение, освобождая дорогу. Завидев впереди скопление дорожной техники и рабочих в оранжевых куртках, водитель стал перестраиваться правее. Однако тут из-за асфальтоукладчика выехал задом самосвал, нагруженный дымившимся асфальтом, и наглухо перегородил улицу. Взвизгнули покрышки «Волги».

– Давай по встречной! – рявкнул капитан, сразу заподозрив что-то неладное.

«Волга» рванулась влево, но перед ней тут же затормозил темно-синий «Вольво». Дверцы его распахнулись, и перед глазами милиционеров, дернувшихся вперед от резкого торможения, предстали люди в масках, готовые открыть огонь из короткоствольных автоматов по «Волге» и по всем тем, кто в ней сидел. Лейтенант включил было заднюю скорость, но услышал визг тормозов, и зеркало заднего вида полыхнуло ослепительной вспышкой отраженного света фар – это позади остановился «Форд», неожиданно вылетевший откуда-то из-за асфальтоукладчика. «Форд» окончательно заблокировал «Волгу», из него выскочили люди в масках и тоже приготовились стрелять.

– Выходи из машины! Ложись на землю. Руки за голову! – послышались отрывистые команды. – Быстро на землю, или всех перебьем!

Капитан оглянулся в отчаянии, однако «уазик» был безнадежно отрезан от его группы мгновенно возникшей позади, на перекрестке, пробкой. «Неужели от самой дачи нас веди? – думал капитан, выбираясь из салона. – Никого же в округе не было!» Мощный толчок в спину вместе с ловкой подсечкой прервал его мысли, и капитан ничком распластался на

асфальте. Рядом с ним на дорогу швырнули Варяга. Милиционер услышал насмешливый голос вора:

– Извини, командир, похоже, здесь мы с тобой расстаемся.

Через секунду это предсказание оправдалось – Варяга рывком подняли с земли. Капитан попробовал было поднять голову, но прогремел грозный окрик:

– Лежать! Мы не шутим!

Капитан и без того знал, что с ним не шутят, и вновь уткнулся носом в холодный асфальт. Через секунду взревел двигатель самосвала, освобождавшего путь машинам похитителей, покрышки «Форда» пронзительно взвизгнули у самой головы капитана, однако милиционеры не спешили поднимать головы, опасаясь получить пулю в лоб в качестве прощального привета. Когда же они, наконец, осмелились оглядеться, то габаритные огни машин похитителей уже успели затеряться в автомобильном потоке. Капитан бросился к «Волге», но увидел, что рация разбита. Рабочие в оранжевых куртках глядели на него с возмущительными ухмылками.

– Вы кто такие?! Откуда здесь?! – подскочил капитан к одному из них.

– Из Дорстройуправления, – спокойно ответил тот. – Плановый ремонт покрытия. Телефончик управления тебе дать?

Варяга бесцеремонно швырнули в салон «Форда», и он вновь, уже во второй раз за день, оказался зажат между двумя автоматчиками. Машина ловко обогнула кутившийся битумными парами самосвал, и помчались вперед по свободной полосе. Человек в маске, сидевший рядом с водителем – видимо, главный, – повернулся к Варягу:

– Извините, Владислав Геннадьевич, может, мы грубовато...

– Ничего, бывало и хуже, – потирая ушибленное колено, усмехнулся Варяг. – Вы кто?

– Ваши друзья, – ответил человек в маске.

Варяг ругнул себя за дурацкий вопрос – ясно было и так, что ребята из «конторы».

– Сними маску, – потребовал Варяг.

– Что? – не понял начальник группы похитителей.

– Сними колпак, хочу увидеть лицо своего спасителя.

– Снимите маски, – приказал начальник и первым подал пример.

Все налетчики оказались совсем молодыми ребятами со свежими юношескими лицами и азартным блеском в глазах. Старший вынул из кармана булавку, вставил ее в замочное отверстие, и браслеты на запястьях Варяга послушно разомкнулись. Между тем рация в машине работала на милицейской волне:

– Всем постам! Всем постам! Задержать автомашины «Вольво» темно-синего цвета и «Форд» темно-красного! Машины движутся в направлении Центра! Преступники вооружены автоматическим оружием, прошу соблюдать осторожность! При попытке сопротивления открывать огонь на поражение!

– Быстро сориентировались, – уважительно произнес парень, сидевший рядом с Варягом.

Ни он, ни его товарищи не проявляли ни малейших признаков беспокойства, хотя рация продолжала надрываться, сообщая о выдвигении мобильных групп милиции на все транспортные развязки в радиусе пяти километров. Казалось, вырваться из плотного кольца нет никакой возможности. Позади уже слышались сирены патрульных машин. Варяг заметил, как «Вольво», шедший впереди, почти не снижая скорости, свернул на боковую улицу. На следующем углу «Форд» последовал его примеру, затем повернул еще несколько раз подряд и помчался дворами.

Налетчики тем временем лихорадочно переодевались, проявляя в этом деле изрядную сноровку – им не особенно мешали ни крутые виражи, ни подсказывание на ухабах. «Форд» остановился на маленькой неосвещенной площадке перед гостеприимно открытым гаражом-

м-»ракушкой». Оставив в салоне форменную одежду, автоматы, маски, провожатые Варяга, уже переодетые в штатское, выскочили из машины с работавшим двигателем и, не оглядываясь, направились к стоявшей поодаль «девятке». Варяг оглянулся и увидел, как из темноты появился какой-то человек, скользнул за руль «Форда» и направил его в «ракушку».

Через тридцать секунд вся компания выехала со двора на «девятке» и продолжила свой путь к центру города. Усиленные наряды на перекрестках провожали их «девятку» настороженными взглядами, однако не останавливали. Машина выехала на Пречистенскую набережную, свернула в какой-то двор и остановилась перед воротами в высоком глухом металлическом заборе, из-за которого виднелась крыша двухэтажного особняка. Вынув из кармана маленькую японскую рацию, старший назвал пароль, и массивная секция ворот отъехала в сторону, обнаружив за собой неприметный КПП и маленький дворик, сплошь залитый асфальтом, с деревьями в кадках. Дворик был совершенно безлюден, но Варяг, выйдя из машины, почувствовал себя неуютно: у него было такое ощущение, словно на нем скрестились десятки изучающих взглядов. Это ощущение, видимо, вызывалось множеством укрепленных повсюду телекамер.

Когда, вновь назвав пароль у стальной двери особняка, они вошли в здание, то оказалось, что и там телекамеры понатыканы повсюду. Кто осуществлял слежение, оставалось непонятным, поскольку за исключением молодого парня в белой сорочке, модном пиджаке и при галстуке, сгучавшего в вестибюле за уставленным телефонами столом, на всем пути до нужной им двери на втором этаже они не встретили ни одного человека. Дверь при их приближении открылась автоматически, и они оказались в большой приемной, где за столом, на котором теснились телефоны, тоже сидел парень, очень похожий на того, что встретил их в вестибюле.

– Все в порядке? – доброжелательно улыбаясь, спросил секретарь.

– У нас всегда все в порядке, – отозвался старший группы.

– Шеф сказал, чтобы зашел только один, – многозначительно произнес парень.

Старший повернулся к Варягу и негромко произнес:

– Напутствий не будет – сам должен понимать, что к чему. Здание это солидное, и люди в нем серьезные.

Парень нажал на кнопку внутренней связи и произнес:

– Он здесь.

– Пусть заходит, – раздался властный, сразу видно, начальственный голос.

Секретарь проворно поднялся, распахнул перед Варягом тяжелую дубовую дверь и подчеркнуто почтительно сказал:

– Прошу.

Варяг увидел длинный стол для совещаний, по обеим сторонам которого тянулось два ряда обшитых кожей стульев. К этому столу примыкал в виде верхней перекладки другой, письменный, гигантских размеров, с толстой столешницей, обитой зеленым сукном, – все по законам административной моды брежневских времен. Из-за стола навстречу Варягу поднялся седовласый человек лет пятидесяти пяти, неторопливой походкой хозяина приблизился к гостю и стал с интересом разглядывать его. Неожиданно он широко улыбнулся и, протянув руку для рукопожатия, произнес почти восторженно:

– Так вот ты какой.

К подобному приему Варяг не был готов. Он предполагал, что столкнется с чванливым вершителем чужих судеб, окруженным дюжиной телохранителей, готовых по первому знаку патрона растерзать нахального пришельца. Однако Владислава встречал милейший человек с благородной сединой и располагающей улыбкой. На пенсии такие становятся любимцами всего двора, галантно ухаживают за молодящимися старушками, организуют субботники и

борются с нашествием гаражей на детскую площадку. Соседи по даче их также любят и часами толкуют с ними о семенах и саженцах.

Рукопожатие хозяина кабинета было теплым, рука – необыкновенно мягкой. Пальцы Варяга словно провалились в вату.

– Мне приходилось видеть тебя на фотографиях, – сказал хозяин кабинета. – Даже эти снимки передают незаурядный уровень интеллекта, но в жизни ты производишь еще более сильное впечатление. Правда, что ты знаешь английский и французский?

– Да, – односложно ответил Варяг.

Он пытался понять, почему его привезли в столь необычное место и чего ему следует ожидать в самом ближайшем будущем. Потешит, к примеру, хозяин себя умной беседой, а там нажмет на кнопку, в кабинет ввалятся костоломы и поволокут дорогого гостя в застенок.

– А мне вот языки не даются, – с чувством посетовал собеседник Варяга.

В его голосе было столько неприкрытой детской зависти, что Варяг невольно улыбнулся и спросил:

– Простите за любопытство, но почему все же меня сюда привезли, да еще с помощью такого романтического налета?

– Ты присаживайся, – сказал седовласый хозяин кабинета.

– Хороший глагол. Это лучше, чем сказать «садись», – усмехнулся законный вор, опускаясь в стоявшее возле кофейного столика мягкое кресло.

Седой расположился напротив.

– А мы ведь с тобой знакомы давно. Заочно, – начал издали хозяин кабинета.

– Знаете что, – вздохнул Варяг, – я уже успел устать от многочисленных загадок. Из всего происшедшего я понял одно: убивать меня вы пока не собираетесь, поскольку испытываете во мне какую-то нужду.

– Сообразительный, ничего не скажешь, – одобрительно отозвался седой. – Именно таким я тебя и представлял. Мне много о тебе рассказывал Егор Сергеевич Нестеренко.

– Вы знали Егора Сергеевича?!

– Не просто знал. Смею надеяться, что мы с ним были друзьями. Разница в возрасте не в счет – он умел быть доступным. Мне приходилось видеть его в самых необычных ситуациях, и всегда он оставался самим собой. Главной его особенностью была простота. Мне его так не хватает... Всю сегодняшнюю операцию я провел как бы в память о нашем общем друге.

Варяг грустно усмехнулся:

– Мне остается только поверить в это.

Егор Сергеевич Нестеренко был ангелом-хранителем Варяга при жизни и оставался таковым и после своей смерти. У него складывалось впечатление, что душа Егора Сергеевича не пожелала расстаться с бранным миром и устроилась на правом плече Варяга, дабы охранять его от всевозможных невзгод.

– В память о Егоре Сергеевиче я сделаю для тебя все возможное. Я знаю, будь он жив, он тоже сделал бы для тебя все.

На мгновение Варягу показалось, будто Нестеренко жив, стоит сейчас за дверью кабинета и с печальной улыбкой слушает разговоры о собственной смерти.

– Мне хотелось бы получить свободу, – сказал Варяг.

– Считай, ты уже свободен, – мгновенно отреагировал его собеседник. – Воспринимай свой визит сюда как приглашение на чашку кофе от человека, который очень хотел с тобой познакомиться. Вообще-то вся сегодняшняя каша заварилась внезапно: по данным прослушки, тебя решили забрать с дачи люди генерала Артамонова. Эта команда сейчас теряет власть, а ведь Артамонов был хорошо знаком с Егором Сергеевичем, знал и о его даче, и о ценностях, хранящихся на ней. Видимо, после гибели генерала в Чечне его люди решили

для своих шкурных нужд заполучить и денежки, и золотишко, а главное – тебя. Ведь один ты знаешь, в каких банках, на каких счетах лежат деньги общака. Вот и нагрянули ребята к тебе с визитом. Предали, я считаю, эти людишки память покойного, – тяжело вздохнув, сказал собеседник Варяга. – Но мы их прослушивали и потому успели тебя прикрыть. Может, тебе еще что-нибудь нужно?

Поколебавшись, Варяг кивнул и вынул из внутреннего кармана куртки фотографию:

– Вам не знаком этот человек?

– Да брось ты мне выкать, – возмутился хозяин кабинета. – Мы с тобой два генерала, я – безопасности, а ты – воровской. И возможности у нас с тобой примерно одинаковые. Впрочем, вру, у тебя возможностей больше. Ты не связан законами, правилами, аппаратными условностями и для достижения своих целей используешь любые методы...

– Договорились, – уголки губ Варяга слегка дрогнули.

Собеседник нравился ему все больше. Не беда, что он не представился, – с его стороны это не предосторожность, а скорее привычка не совершать нецелесообразных действий. Возможно, они никогда больше не увидятся, так к чему представляться?

Хозяин кабинета между тем внимательно вглядывался в фотографию.

– Такое впечатление, что я его где-то видел, – сказал он и с надеждой посмотрел на Варяга, словно школьник, ожидающий подсказки. – Постой, так это же Платонов! Глава Госснабвооружения!

– Да, это он, – подтвердил Варяг.

– Итак, в чем должна заключаться моя помощь?

– Я хотел бы вступить с ним в контакт.

– Ничего себе! – озадаченно крикнул собеседник Варяга и откинулся на спинку кресла. – А тебе известно, что к нему никого не подпускают? Стерегут, как персидскую княжну.

– Известно.

– А ты знаешь о том, что эта контора фактически никому не подчиняется? Что у нее только один хозяин – ее президент?

– Наслышан и об этом, – серьезно ответил Варяг.

– Устроить ваш контакт очень трудно по той простой причине, что каждый человек, попадающий в сферу общения Платонова, тщательно проверяется и находится под постоянным наблюдением ФСБ. Тебе это очень нужно?

– Да!

Хозяин кабинета надолго задумался. Казалось, будто он позабыл про своего гостя.

– Есть один способ, – произнес наконец собеседник Варяга. – Но для этого у тебя должна быть чистая биография.

– Она не может быть чистой, Я сидел, и притом не одиножды.

– В наших силах исправить многие документы. Судимость можно подать как преследование по политическим мотивам. Пересмотр дела одновременно послужит оправданием и твоему побегу. Кроме того, сейчас развелось много профессиональных сидельцев, которые за хорошие деньги с удовольствием возьмут на себя твои грехи. Мы подумаем, как это лучше преподнести. Все-таки у нашей организации по-прежнему немалые возможности.

– Как я понимаю, это вопрос некоторого времени?

– Разумеется, но вопрос решаемый, – ответил хозяин кабинета. – Платонова опекают люди из другого управления, но начальник того управления – мой хороший приятель. Посидим с ним за бутылочкой хорошего коньяка, поговорим... Что касается меня, то я помогу тебе совершенно бескорыстно, но услуги моего приятеля придется оплатить.

– Разумеется. Я считаю, что всякая услуга должна оплачиваться, причем в кратчайшие сроки. Очень не люблю ходить в должниках.

– Ну, считай, договорились. И еще: новые документы тебе делать нецелесообразно. Ты будешь чист и со старыми.

– Меня это устраивает.

– Я тебя подведу к Платонову, в чем-то постараюсь прикрыть. Но действовать тебе придется очень тонко. Если совершишь ошибку, то помочь тебе не сможет даже наше ведомство.

– Спасибо за предупреждение, но я всегда отвечал за себя, – сдержанно улыбнулся Владислав. – Когда ты сможешь устроить нам встречу?

Хозяин кабинета поднял телефонную трубку, набрал внутренний номер и заговорил:

– Степаныч? Как дела? Во-во. Да я не жалуясь, сейчас у всех так. А как твой подопечный? Да что ты? Значит, хлопот поубавилось? Ладно, плюнь ты на это! Надо бы как-нибудь посидеть за бутылочкой... В субботу вечером? Отлично. Моя тоже уйдет, так что нам никто не помешает. Ну, до встречи.

Хозяин кабинета положил трубку. По его широкому лицу, словно масло по сковороде, расплылась довольная улыбка:

– Все в порядке, Владислав, организуем тебе встречу. Твой клиент малость приболел – язва, понимаешь ли. Обычная болезнь руководящих работников. Сейчас он в больнице, точнее, в санатории, там ты с ним и переговоришь. Возьми вот бумажку, это пропуск на выход. В наше здание легче войти, чем из него выйти. А это вот тебе подарочек, – протянул собеседник Варягу компьютерную дискету. – Это твое досье. Почитаешь на досуге. Занятные вещи о тебе пишут, на целый роман хватит.

Варяг сунул дискету в карман.

– Можно пару вопросов?

– Задавай.

– На даче осталась моя дочь с экономкой...

– Разумеется, их будут охранять. Я буду в курсе всех этих дел, а через меня и ты тоже. Наверное, ты хотел еще спросить про ценности, которые хранятся на даче? – подмигнул Варягу собеседник. – Как видишь, Егор Сергеевич был откровенен со своими друзьями. К сожалению, такие, как Артамонов, обращают откровенность во зло. Ну, так вот: мы не кусочки, не стараемся сегодня хапнуть, а завтра хоть трава не расти. Надо и о будущем думать. Ценности никто не тронет – сейчас мы их прикроем, а там и ты нам чем-нибудь поможешь... К тому же главные-то ценности не в подвале лежат, верно?

– Верно, – с улыбкой кивнул Варяг. – В долгу не останусь... И последний вопрос: как разрешится дело с налетом на ментов?

– Бандитов не найдут, – пожав плечами, ответил хозяин кабинета.

Глава 2

ЛИКВИДАЦИЯ АГЕНТА

Майор Громовский привычно вытаскивал из кожаной сумки пачку за пачкой, словно всю жизнь работал кассиром, а не в контрразведке. Сумка была старая, потертая, никому и в голову не могло прийти, что в ней переносят целое состояние. Когда на стол легла последняя запечатанная пачка, майор безрадостно подытожил:

– Значит, так, Укол, здесь ровно двадцать тысяч баксов. По нынешним меркам очень неплохие деньги, особенно если учесть, что ты не сумел сделать и половины того, о чем мы с тобой договаривались.

– Петр Иванович, я же говорил, как все получилось...

– Не нужно мне ничего объяснять. Я уже все слышал. Ты честно работал, поэтому и получаешь деньги. Если бы ты филонил, то не увидел бы и доллара. Я тоже прекрасно понимаю, что задача была очень сложной. У Чижевского потрясающий нюх на всякого рода провокаторов, все-таки он бывший полковник КГБ, а это, как ни крути, неплохая школа. Тебе в отличие от многих удалось продержаться целый месяц, и если быть откровенным, то я до сих пор удивляюсь, почему тебя не закатали в асфальт. – Майор с интересом посмотрел на собеседника, как будто перед ним и в самом деле сидел восставший из могилы покойник. – У меня к тебе вопрос... Случайно никто из них не знает, от кого ты пришел? Не прячь глаза! – неожиданно рывкнул он. – Смотри на меня.

– Ну бля буду, все ништяк. – Голос собеседника прозвучал обиженно.

– Ну ладно, это я так, не держи зла, – примирительно похлопал Громовский агента по плечу. – Погорячился малость. Сам понимаешь, работа у меня такая скотская, никому верить нельзя. Ты пересчитай, может, я тебе недодал сотенную?

Собеседником майора Громовского был парень не старше тридцати лет, невысокого роста, сухой, жилистый, очень подвижный. Он оживленно жестикулировал и очень напоминал борзую. Пальцы у него были синие от «перстней», по которым нетрудно было прочитать его биографию: был осужден за грабеж в малолетстве, имел немалый авторитет в колонии, был «поднят на взросляк», трижды судим. На левой руке выколота корона – приветствие всем ворами, означающее одновременно и то, что и сам носитель наколки считает себя в преступном мире человеком не последним. Носить подобную отметину незаслуженно не полагалось, за это отвечать приходилось строго.

Когда-то у парня действительно были заслуги, он имел немалый авторитет в своей среде. Но все пошло прахом несколько лет назад, после первого укола героина... Уже через полгода он стал законченным наркоманом. Тогда же он совершил непростительный грех – залез в карман к своему подельнику и вынул золотые часы, которых хватило всего лишь на четыре дозы.

От крысятничества не отмываются, это такое же позорное пятно на всю жизнь, как порванное «очко». От бесчестия, а возможно, и от смерти парня спас майор Громовский. Он без всяких предисловий предложил ему работать на «контору», взамен пообещав свое покровительство, регулярную дозу героина и новую кликуху – Укол.

Ожидания майора оправдались всецело. Укол оказался блестящим артистом. Майор подсаживал его в камеры к идейным блатным и к тем, на кого следовало найти компромат. Агент умел разговорить даже самых молчаливых и выуживал из них мелкие сведения, которые они не открыли бы и собственной матушке. Колян нравился людям, а авторитетные наколки только добавляли к нему доверия.

Парень блеснул золотыми зубами и обиженно протянул:

– Ну че ты, в натуре, начальник! Ты меня за суку держишь?

– Ладно, ладно, – примирительно похлопал майор агента по плечу. – Пошутил я. Деньги можешь сложить в эту сумку. Она невзрачная, потертая, никто и не заподозрит, что в ней лежит двадцать тысяч баксов.

– Хорошо. – Укол поднял сумку и попробовал ее на вес. По его сосредоточенному лицу можно было предположить, что он подсчитывал, сколько доз можно купить на двадцать тысяч. – Ну, так я пошел, начальник?

Подходило время для очередной дозы, и Укол не мог дождаться конца беседы, чтобы ввести в вену очередную порцию дурманящего зелья. В правом кармане брюк у него лежал шприц – для наркомана почти одушевленный предмет.

– Иди. Встретимся через неделю в это же время.

– Договорились, – уже не скрывал радости Укол.

Он представил себе, как растянется на стареньком прокуренном диване и в одиночестве примет кайф.

Открыв дверь и махнув на прощанье рукой, Укол вышел в коридор. Майор Громовский повернул ключ на два оборота. Эту квартиру, на самой окраине города, он использовал как явочную раза два в неделю. По субботам он иногда устраивал здесь шумные пирушки со старинными приятелями, и часто веселье заканчивалось только под утро. В первую очередь это была берлога, где он мог отдохнуть от упреков жены, писка детей и весело воспользоваться свободой. Плохонькая скрипучая кровать, стоявшая в углу комнаты, частенько испытывала на себе темперамент майора, когда он приглашал в гости молоденьких официанток из соседнего ресторана.

Майор Громовский посмотрел в окно. Укол быстрыми шагами удалялся в сторону соседнего микрорайона – типовых девятиэтажек, окруженных чахлыми тополями. Разочарование в агенте было сродни физической боли. Укол не сумел втереться в доверие к Чижевскому. Бывший полковник КГБ раскусил блатного сразу, едва на него взглянув, – уж он-то на своем веку перевидал немало таких ссученных. А логика в подобном случае чрезвычайно проста – если предал один раз, то обязательно предашь и во второй. Это уже диагноз.

Николай Валерьянович Чижевский возглавлял службу охраны Варяга. Как это ни странно, но «законник» доверял ему безоговорочно. Кроме того, бывший полковник заведовал при Варяге разведкой и контрразведкой, – этим он успешно занимался и на прежней службе, а без успехов никогда ему не видать бы больших звезд.

Где-то Укол переиграл, а жаль. Или Чижевский воспользовался какими-то своими старыми связями, и ему удалось полистать досье даже секретных агентов? Но как бы там ни было, Укола раскрыли. Следовательно, он выпадал из игры навсегда.

Укол остановился на краю дороги, пропустил автомобили и бодро пересек шоссе, помахивая сумкой. Длинные матерчатые ручки он намотал на кисть, словно опасаясь, что сумку у него вырвут. К смотрящему нужно будет искать другой, более хитрый подход.

Майор Громовский нажал на кнопку магнитофона и тотчас услышал негромкий голос Чижевского: – Владислав, как я и предполагал, наш друг оказался засланным казачком.

– И как же ты догадался? – раздался голос Варяга.

– Я не догадался, я это выяснил. В тюрьмах он работает в качестве подсадной утки. Не могу объяснить почему, но он мне сразу не понравился. Профессиональное, что ли... У меня просто нюх на таких тварей! Что прикажешь делать?

– А сам как считаешь?

– Сначала нужно узнать, кто его к нам заслал, а дальше следует действовать по обстоятельствам.

– Тогда приступай.

– Понял. Как только он появится, будем беседовать...

Майор Громовский выключил магнитофон. Не нужно было обладать аналитическим мышлением, чтобы понять – как только полковник Чижевский начнет дробить Уколу пальцы плоскогубцами, тот не только сдаст своего непосредственного начальника, но и признается во всех остальных грехах. Подобного вмешательства в свою личную жизнь Варяг не простит, и тогда на окоченевший труп нахального майора натолкнется в лесопосадке какая-нибудь любвеобильная парочка, скрывающаяся от посторонних глаз.

Выходило, что майора спас случай.

Неделю назад, незадолго до разговора Чижевского с Варягом, он организовал неисправность телефонной линии. Чижевский вызвал на дом специалиста, а тот вставил в трубку телефона крохотный автономный жучок. Подслушивающее устройство проработало недолго, его выявили уже на следующий день, но нескольких часов вполне хватило, чтобы записать разговор Чижевского с Варягом. Вероятно, это и спасло майору жизнь.

Укол не догадывался о тревогах шефа – он уверенно шагал в сторону своего дома.

В сумке Укола кроме долларов в потайном кармашке лежал пластит. Он был удобен тем, что мог принимать практически любую форму: его можно было свернуть в трубочку и спрятать где-нибудь в ручке сумки, можно было запихать в спичечный коробок или раскатать, как блин, а потом уложить на самое дно сумки или чемодана. Но при всем этом пластит не терял своей разрушительной силы, – наоборот, он превосходил динамит по всем показателям.

Доллары в сумке Укола были искусными фальшивками. Месяц назад в Москве накрыли одного талантливого кустика, который занимался изготовлением поддельной «зелени». Обнаружить фальшивку не могли даже детекторы в обменных пунктах. Громовский уговорил начальство не уничтожать столь качественную продукцию, словно знал, что доллары ему пригодятся.

И он не ошибся!

Майор взял пульт. В массу взрывчатки был помещен крохотный детонатор, терпеливо дожидавшийся электронного сигнала. Сам того не подозревая, Укол полностью находился во власти шефа. В глубине души у Громовского шевельнулось нечто похожее на жалость. Все-таки Укол был неплохим агентом: умел потрясающе вживаться в образ, найти другого такого станет крайне сложно, а может быть, и невозможно вообще. Жаль Укола было и по другой причине – Громовский считал его своим детищем, вложил в него все, что знал и умел. А расставаться со своими творениями всегда печально.

– Прощай, Укол, – тихо произнес майор Громовский и надавил на кнопку пульта.

Электронный сигнал мгновенно достиг детонатора. Укол превратился в маленькое облачко, из которого во все стороны брызнули куски его тощего тела. Через секунду до майора Громовского докатился негромкий хлопок взрыва.

Глава 3 ВЕРБОВКА

У самой окраины Москвы, а кое-где даже в черте города сохранились доселе участки старых заповедных лесов. За порубку таких лесов в петровские времена отправляли на каторгу, но и теперь они далеко не всегда доступны для простого человека. Например, несколько квадратных километров лесного массива сразу за кольцевой автодорогой на севере от столицы являются запретной зоной, подведомственной ФСБ, и вход на эту территорию возможен только по специальному разрешению.

Там, где прекрасная дорога уходила в лес, возле шлагбаума стояла караульная будка и дежурило несколько молодых офицеров в камуфляжной форме и с полной боевой выкладкой. У всех сворачивавших в лес водителей тщательно проверялись документы. Однако здесь располагался не военный объект, а санаторий, где видные чины из силовых ведомств могли поправить здоровье и хорошо отдохнуть. Многие больные были знакомы друг с другом еще до санатория, и потому очень скоро возникали теплые компании, втихомолку распивавшие доставленный контрабандой дорогой коньячок где-нибудь в уединенной беседке или на берегу находившегося в запретной зоне живописного озера.

Возраст большинства больных колебался между пятьюдесятью и шестьюдесятью годами, и потому среди них выделялся своей молодостью невысокий черноволосый мужчина с обаятельной мальчишеской улыбкой. На вид ему можно было дать не больше сорока, а то и меньше. Этот человек любил гулять по лесу в одиночестве, избегая ухоженных дорожек, и всем прочим местам предпочитал берега озера. Купание в озере не поощрялось из боязни инфекций, но брjunет время от времени, выбрав местечко поукромнее, нарушал этот запрет. Вот и теперь он, придя на берег озера после массажа, собирался освежить в холодной от донных ключей воде разгоряченное тело и уже снял рубашку, как вдруг чей-то спокойный голос мягко его предупредил:

– Вы бы, Андрей Егорович, поосторожнее, водичка холодновата. А потом, после Ильина дня купаться вообще не рекомендуется. Согласно народным поверьям, вода становится некрещеной и всякая нечисть в ней оживает...

Андрей Егорович обернулся. Перед ним стоял молодой мужчина, на вид его ровесник, и дружелюбно улыбался. Не было ничего странного в том, что один отдыхающий заговорил с другим – в санатории постоянно завязывались знакомства. Станным было другое – что совершенно незнакомый человек знал, как его зовут, и явно подчеркивал эту свою осведомленность.

– Кажется, и впрямь искупаться не удастся, – вновь надевая рубашку, с легкой досадой произнес Андрей Егорович.

– Не переживайте, поплавайте в другой раз, – с обаятельной улыбкой успокоил его незнакомец. – А сейчас хотелось бы пообщаться.

Властный тон собеседника породил в душе Андрея Егоровича ощущение тревоги. Он внимательно взгляделся в лицо незнакомца. Обычное русское лицо с крупными чертами. Светлые волосы, небольшие серые глаза. Неординарность этого человека выдавал только взгляд: пристальный, холодный, слегка насмешливый.

– Вы из ФСБ? – нарочито равнодушно поинтересовался Андрей Егорович.

– никоим образом, – улыбнулся незнакомец еще шире.

Андрей Егорович задумался. О его пребывании в санатории знал весьма ограниченный круг людей. Стало быть, в любом случае перед ним стоял немаленький чин.

– Интересно, – хмыкнул он. – Разве есть в России более осведомленные организации, чем ФСБ?

– А вы подумайте, – безмятежно улыбался незнакомец, но взгляд его оставался холодным.

Андрей Егорович поморщился:

– Послушайте, слишком много загадок. Если вам нужно поговорить со мной – говорите, а то я начинаю терять терпение.

– Должен признаться, что я постарался побольше узнать о вас еще до этой встречи, – сообщил незнакомец. – Когда-то специалисты из заинтересованной организации составили ваш психологический портрет. Вот выдержка из него: «Отличительная черта Платонова – хладнокровие. Даже попадая в невыгодную для себя ситуацию, он ищет и находит выход из нее путем компромисса...» Очень обнадеживающие слова, но как будто не про вас написано. Мы и пяти минут не говорим, а вы уже теряете терпение. А ведь у меня имеется много интересных сведений о вас. К примеру, о том, как вы в военном училище не поладили из-за девушки с комсоргом курса, он хотел подвести вас под исключение, но у него ничего не вышло – вы ведь были гордостью училища, Ленинским стипендиатом, и к тому же за вас заступился весь курс...

– Откуда у вас эта информация? Кто вы, черт возьми?!

– Вор, – после недолгой паузы произнес собеседник.

– Простите, не понял.

– Я – вор в законе. Та организация, которую я представляю, себя не рекламирует, она и без того достаточно сильна. Я что, не сумел вам это доказать? Или пройдемся дальше по вашему досье?

– Не стоит, – пробормотал Андрей Егорович.

В его мозгу шла лихорадочная работа. Встреча у озера могла быть провокацией, организованной ребятами из федеральной «конторы», под одеждой незнакомца могли скрываться и микрофон, и миниатюрная видеокамера, однако интуиция, проверенная в самых нестандартных ситуациях, подсказывала генералу Платонову, что его собеседник не провокатор.

Генерал не сомневался в том, что перед ним человек с необычайно высоким интеллектом и с большими возможностями. Чего стоит хотя бы это досье! Собеседник Платонова явно не блефовал – он был готов продолжать рассказ о жизни и карьере генерала. При этом незнакомец, назвавшийся вором, ни по речи, ни по манерам не соответствовал стандартному образу уголовника.

– Вам не кажется, что разговор идет не на равных? – спросил Андрей Егорович. – Вы обо мне знаете все или почти все: имя, должность, звание, биографию, я же о вас не знаю абсолютно ничего. Как вас зовут?

– Со временем вы все узнаете, даю слово... Мое воровское погоняло, то есть кличка, – Варяг, но здесь лучше называть меня Владиславом. Не хотите пройтись?

Не дожидаясь согласия собеседника, Варяг двинулся по тропинке в сторону от озера, и Платонов, словно привязанный, последовал за ним. Некоторое время они шли молча.

– А вам известно, что некоторые лавочки здесь с сюрпризом? – неожиданно остановился Варяг.

– То есть? – не понял Платонов.

– Очень просто – на некоторых лавочках и веточках деревьев укреплены микрофоны, и заинтересованным лицам становится известно содержание ваших доверительных разговоров, в частности ругань в адрес начальства. Так что, уважаемый Андрей Егорович, если надумаете меня выругать, то постарайтесь делать это про себя.

– Ну, вы мне пока не начальство, – возразил уязвленный генерал.

– Вот именно – «пока», – холодно усмехнулся Варяг. – Присаживайтесь, – указал он Платонову на широкую скамью под вековой сосной. – Разговор у нас будет долгим.

– Интересно, откуда такая уверенность? – поинтересовался генерал.

Варяг достал из кармана массивный золотой портсигар, вынул из него сигарету, не спеша закурил, выпустил длинную струю дыма и невозмутимо ответил:

– Уверенность моя основывается на кое-каких ваших грешках, Андрей Егорович. Кажется, это была ваша идея – наладить переброску оружия в Абхазию в обход официальных каналов? Да не пугайтесь – операция была проведена очень аккуратно, эшелоны предназначались для федеральной группировки в Чечне, потом бесследно исчезали, а затем оружие всплывало в Абхазии. Чертовски доходная затея! Правда, кое-какие следы все же остались, но об этом после... Согласитесь, торговля оружием – неплохой бизнес. Моим коллегам по воровскому цеху, выходящим на промысел с «фомкой» и отмычками, такие доходы и не снились.

– Откуда вам известно о поставках в Абхазию?

Варяг хитро посмотрел на Платонова и произнес:

– Вот вы и признались, Андрей Егорович... Ну ладно, ладно, я не из «конторы». А насчет того, откуда я получил информацию, – это мой профессиональный секрет. Он стоил мне немалых денег, и, разумеется, я не намерен его раскрывать. Вы ведь тоже никому не рассказываете о том бурном романе, который у вас начался в Арабских Эмиратах с юной переводчицей.

Платонов усмехнулся. Он не знал, что ему делать – смеяться или дрожать от страха.

– Вы и об этом знаете?

– Разумеется. Мы давно за вами наблюдаем, Андрей Егорович. Не скрою, вы нам очень интересны.

Генерал Платонов никогда не привязывался к женщинам надолго – не оттого, что был от природы неспособен на глубокое чувство, просто работа отнимала у него все время и все душевные силы. В период тех небольших интрижек, которые у него порой случались, он поступал по-гусарски: заваливал женщину цветами, купал ее в ванне с шампанским... Однако, добившись желаемого, мгновенно остывал. Случай с молоденькой переводчицей был особенным хотя бы потому, что добиваться ее пришлось гораздо дольше обычного – на нее совершенно не действовали ни генеральская форма, ни прочие атрибуты власти, и держалась эта девушка с Платоновым как примерная старшекласница со строгим учителем. И лишь во время командировки в Эмираты, где каждый араб смотрел на белую женщину с нескрываемым вождением, переводчица неожиданно воспылала страстью к молодому генералу. Наплевав на многочисленные бумаги, которые им пришлось подписывать перед отъездом на целомудренный Восток, они каждый вечер любили друг друга как сумасшедшие, заперевшись в номере генерала и отключив телефон.

Небольшое приключение переросло в прочную связь – целых полгода генерал навещал переводчицу в «общежитие гостиничного типа», заселенное всевозможной лимитой. Строгая вахтерша, выпускавшая его под утро за скромный гостинец, не подозревала о том, что имеет дело с человеком, от которого зависит военная политика огромного государства. Однако и Платонов в свою очередь никак не мог подумать, что его связи будут интересны не только жене и разным спецслужбам, но еще и ворами в законе.

– Можно сигарету? – попросил генерал, напроочь позабыв о строжайшем запрете врачей.

Медики нашли у него облитерирующий эндоартериит – страшную болезнь сосудов ног в начальной стадии, возникающую на почве курения и часто приводящую к ампутации. Еще утром генерал дал себе клятву бросить курить, но сейчас после первой же затяжки в голове у него просветлело и прошла мучившая все утро тяжесть в ногах. Надо же, какого удовольствия он хотел себя лишиться. Да он скорее загнетса от недостатка никотина, чем от его избытка.

– С вашими возможностями и талантами вы могли бы уже давно сколотить солидный капитал, – продолжал Варяг. – То, что вы сейчас имеете в бернском банке, может вызвать лишь улыбку. Девятьсот тысяч, кажется? – Варяг вопросительно посмотрел на онемевшего от изумления генерала. – Человек вашего масштаба должен иметь десятки миллионов! И я постараюсь вам в этом помочь. Разумеется, за свои консультации и за помощь в налаживании деловых связей намерен брать процент, но он не будет грабительским. Это не рэкет. Вы не возражаете, если я иногда буду называть вас просто «партнер»?

Генерал невесело хмыкнул. Следовало отдать Варягу должное – давил он по всем правилам психологической обработки, показывал не только кнут, но и пряник.

– Называйте, если это доставит вам удовольствие, – с деланным равнодушием пожал плечами Платонов.

– И еще часть пойдет в воровской общак. Если не делать подобных отчислений, то братва нас просто не поймет. Ведь религия нас учит тому, что надо делиться с ближними, а мои уголовнички – очень религиозный народ.

– Вы со мной разговариваете так, будто стопроцентно уверены в моей согласии, – возразил Платонов. – Вижу, вы многое просчитали, изучили мое досье, выявили кое-какие мои слабые места. Однако человеческая душа сложнее, чем вы думаете. Мое нежелание работать с вами может оказаться сильнее всех ваших аргументов. И почему вы считаете, что я не сообщу о нашей беседе компетентным органам?

Варяг щелчком отшвырнул сигарету, и генерал понял, что его невозмутимый с виду собеседник тоже нервничает.

– Хотите? – Варяг вновь открыл перед Платоновым портсигар.

– Не откажусь, – взял новую сигарету генерал. Некоторое время они молча курили, следя за тем, как развеиваются в прозрачном предвечернем воздухе волокна дыма.

– Вы не сделаете этого, – наконец произнес Владислав. – Я не буду опускаться до угроз вашим близким – это не мои методы. Я призываю вас подумать о другом: к чему ломать такую блестящую карьеру, как ваша? Хоть кого-нибудь из ваших ровесников можно поставить вровень с вами? И ведь это вовсе не конец вашего пути. Не удивлюсь, если года через три вам предложат пост министра, а там, чем черт не шутит, и на премьера можно замахнуться... Сейчас в правительстве идет омоложение кадров, и не исключено, что этот процесс коснется и вас. Посмотрите на нынешних вице-премьеров – эти мальчишки, которых раньше никто не принял бы всерьез, теперь запросто ворочают миллиардами. Насколько я успел вас изучить, Андрей Егорович, вы не способны отказаться от столь блестящих перспектив. Вы честолюбивы, тщеславны, а в нашем деле такие черты характера – только плюс. И в госпиталь вы легли не потому, что хотели отдохнуть от скучной работы и опостылевших сослуживцев, а потому, что прихватило всерьез. Язва, кажется?.. Вы трудоголик, и работа, карьера для вас – настоящий наркотик.

Платонов невесело хмыкнул:

– Спасибо за лестную характеристику. От вас ничего не скроешь. Я начинаю думать, что общаюсь не с человеком, а с дьяволом.

– Ну что вы, – засмеялся Варяг, – это вы преувеличили. Я не собираюсь мериться силами с дьяволом. Зато в моих силах разместить разоблачающие материалы о вас в центральной прессе и одновременно направить их на Лубянку. Тогда это будет для вас не только конец карьеры. Пожалуй, это будет конец всему.

С каждой затяжкой дым казался генералу все горше – дареный табачок впрок не шел.

– Мне нужно подумать.

– Сколько?

– Неделю как минимум.

– Слишком долго. Могу дать только три дня. Через три дня в Мексике будет решаться вопрос о перевооружении ВВС, и местные военные с интересом посматривают на нашу авиатехнику. Так что через неделю мы уже хотели бы войти в долю.

– Да-а, вижу, информацией вы владеете. А о Мексике вам откуда известно? Это сверхсекретные сведения!

– Не надо меня пытаться, Андрей Егорович, все равно ничего не скажу. К тому же у нас с вами совершенно разные источники. Вам информация поступает по официальным каналам, я же использую неофициальные...

– Вот оно даже как.

Варяг поднялся и повторил:

– Три дня, не больше! И не вздумайте стреляться или вешаться – это будет огромная глупость с вашей стороны. Возможно, встреча со мной – величайшая удача в вашей жизни.

Варяг приложил ладонь к виску, как бы отдавая честь, и зашагал прочь.

Некоторое время генерал пребывал в оцепенении, а потом поспешил к тому корпусу, в котором находился его шикарный номер-люкс, расположенный таким образом, что никакие звуки из коридоров туда не долетали. Поднявшись в номер, генерал опустился в мягкое кресло и задумался. Итак, он завербован, и не сверхпрофессиональной иностранной разведкой, а – смешно сказать! – каким-то там вором. Однако возможности у этого человека, несомненно, колоссальные, разговор он построил очень грамотно, и вид его внушает уважение.

Собственно, всякое крупное дело должно вестись в сотрудничестве с правильно избранными дружественными силами, и, похоже, та сила, которую представляет Варяг, не уступит никакой другой в этой стране.

Андрей Егорович поднял трубку телефона:

– Аркадий, это ты? По-моему, я достаточно повалялся здесь. Высылай за мной машину. К черту «Мерседес», к чему вся эта помпа, я и так знаю себе цену. Обычную «Волгу». «Девятку»? Можно и «девятку». Когда? Утром, часам к пяти. Нет, не рано, в самый раз.

Глава 4

ПРИНЯТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

– По-другому он поступить не мог. Я бы не поверил ему, если бы он сразу же согласился. Мы знаем о нем все, естественно, он хочет узнать кое-что и о нас. А потом, у него может возникнуть мысль, что это проверка со стороны ФСБ. Пусть убедится, что это не так, – Варяг помолчал, внимательно посмотрел на своего спутника и продолжил: – Ни с кого из окружения Платонова наблюдения не снимать. Возможно, выявится что-то новое.

– Мои люди не отходят от них ни на шаг, Владислав Геннадьевич, но ничего пока не выявили...

Собеседником Варяга был плотный мужчина невысокого роста с седой, коротко стриженной шевелюрой. Это был Николай Валерьянович Чижевский, в недавнем прошлом швейцар одной из самых престижных гостиниц Москвы, а еще раньше – полковник КГБ. Впервые Варяг столкнулся с ним восемь лет назад, когда в ресторане гостиницы проходили поминки по легендарному вору Медведю. Дядька внушительной наружности – с огромной лопатообразной бородой и густыми черными бровями, от которого так и веяло эпохой застоя, не подозревая, видимо, с кем имеет дело, подошел к Варягу, безошибочно угадав в нем старшего, и попросил не шуметь. Варяга позабавила неопытность великовозрастного ресторанного стража. Он сунул ему в карман ливреи десятидолларовую бумажку за бдительность и пообещал не устраивать прилюдного мордобития и даже в момент наивысшей тоски по покойному не громить дорогую мебель. Позднее Варяг с Чижевским не раз вспоминали этот забавный случай, и им обоим становилось весело.

Бывший полковник КГБ в гостиничном бизнесе преуспел. Он сумел организовать нечто вроде профсоюза швейцаров, в который никто не мог проникнуть без солидного вступительного взноса. А рваться в швейцары было отчего – в ресторанах, как правило, народ собирался солидный, при больших деньгах. Таким людям ничего не стоило бросить швейцару сотню за пришитую петельку.

Рыночную экономику Чижевский, даже несмотря на сокращение из органов, встретил восторженно, с тем же темпераментом, с каким барышни-курсистки в свое время приветствовали красный флаг. Но когда Николай Валерьянович понял, что гостиницу ему не купить, даже если он простоит в дверях тысячу лет, тогда его высказывания в пользу реформ и реформаторов стали куда менее пылкими.

Еще через год он организовал частное сыскное агентство, деятельность которого сводилась к добыванию компромата на лиц, облеченных властью. Иной раз в агентство поступали почти шпионские заказы – установить «жучки» в помещениях конкурирующей фирмы, изъять из сейфа секретные материалы... Подобные работы всегда хорошо оплачиваются, но, что было самым приятным, Чижевский понимал в них толк – он являлся настоящим профи и, вкручивая очередное подслушивающее устройство в телефонную трубку, молодец, словно вновь окунаясь в лейтенантскую юность.

Недавно Чижевскому предложили выкрасть несколько уголовных дел. На собирание этих документов ушло несколько лет кропотливой оперативной работы. Бывший полковник долго размышлял, стоит ли участвовать в чисто криминальной операции, но сумма гонорара развеяла его сомнения. Дело удалось провернуть блестяще, пропажа обнаружилась только на третьи сутки. А еще через сутки в офис к Чижевскому заявился Варяг, сообщил, что отставной полковник работал на воров в законе, и после недолгого разговора предложил продолжить сотрудничество. Чижевскому понравились умные глаза Варяга, его правильная речь и доброжелательное лицо. Это лицо, казалось, говорило: «Время такое, полковник. Вчера ты

меня ловил, а сегодня я предлагаю тебе прекрасную работу. Не стоит удивляться подобным метаморфозам».

Николай Валерьянович сразу понял, что не прогадал с выбором хозяина: Варяг умел держать слово, имел массу влиятельных друзей и вообще был сильной личностью. Он никогда ничего не записывал, но, услышав что-то однажды, запоминал навсегда. В его голове хранилось огромное количество полезной информации: даты, адреса, номера телефонов, суммы сделок и многое другое. Чижевский не сомневался в том, что, распорядись судьба несколько иначе, и Варяг мог бы сделаться гордостью российской разведки...

– Я вас вот о чем хотел спросить, Владислав Геннадьевич... А что, если Платонов не объявится через три дня?

Между бровями Варяга прорезалась глубокая складка, четче обозначились скулы.

– Думаю, объявится. Он не производит впечатление глупого человека. Но на всякий случай разработай план «вброса» компромата – кому, куда и сколько. С поста его в итоге наверняка снимут, а к его преемнику мы подход найдем.

Чижевский услужливо распахнул перед Варягом тяжелую дверь. Хозяин поблагодарил его кивком и вошел в свой кабинет. Буквально на днях Варяг сделался генеральным директором концерна «Интеллект» со скромным окладом в пять тысяч долларов. У многих воров, знавших возможности смотрящего, такая непритязательность вызывала улыбку. В его распоряжении находился весь российский общак, составлявший едва ли не половину годового национального дохода страны.

В уставе концерна значилось, что «Интеллект» может заниматься продажей энергоресурсов, хотя для многих не являлось секретом, что сфера его деятельности была значительно шире: люди Варяга брали под свое покровительство банки и крупные предприятия и за это получали неплохой процент с их дохода. Одним телефонным звонком Владислав разрешал самые запутанные вопросы отношений между конфликтующими группировками, частенько выступал меценатом, а если требовалось, под небольшой процент давал деньги даже субъектам Федерации.

Уже несколько раз за последние недели Чижевский видел, как из здания гостиницы, в котором находился офис «Интеллекта», несколько парней в камуфляжной форме выносили тяжелые мешки из прочной водонепроницаемой ткани. В мешках находились деньги, чаще всего валюта. Однако даже у отпетых беспредельщиков не возникало и мысли о том, чтобы совершить налет на броневичок концерна, набитый долларами. К покушению на свою казну воровское сообщество отнеслось бы так же, как религиозные фанатики – к осквернению чудотворной иконы. Покуситься на общак означало подписать себе неотвратимый смертный приговор.

Офис Варяга располагался на шестом этаже гостиничного здания. По обе стороны коридора в двухместных номерах дежурила охрана. Еще четыре человека с рациями сидели за специальными столиками вдоль левой стены коридора. В холле первого этажа также расхаживало несколько телохранителей. Металлоискателями они проверяли одежду визитеров и только после этого отводили их к специальному лифту, в котором вместе с пассажирами разъезжали вверх-вниз двое любезных молодых людей, готовых при необходимости свернуть шею любому нежелательному гостю.

Ирония судьбы заключалась в том, что именно в этой гостинице несколько лет назад Чижевский начинал работать швейцаром и сшибал шальные пятерки у пьяных посетителей ресторана. Покидая гостиничный бизнес, Николай Валерьянович никогда не думал, что вернется сюда же в качестве начальника службы охраны знаменитого вора. По своему могуществу Чижевский приблизился к очень авторитетным законникам, точнее, находился по этому признаку в самом высшем дивизионе. Будучи в звании полковника, Чижевский о таких воз-

можностях и не мечтал. Теперь он лично давал разрешение на встречу с Варягом, и перед отставным полковником заискивали серьезные люди, имевшие немалое влияние и огромные деньги.

Варяг уселся в кресло. На столе на самом видном месте стояла фотография его жены Светланы и сына Олежки в золоченой рамочке. Здесь Варяг обретал покой. Ему достаточно было взглянуть на их счастливые лица, чтобы вновь ощутить уверенность в своих силах.

Света изменилась. Нет, она не подурнела, но из худенькой девочки-подростка превратилась в красивую женщину, чье изображение украсило бы любой модный журнал. Не изменились только глаза – большие, чуть раскосые, с едва заметным плутоватым выражением. Прическа – длинные прямые волосы, спадающие на плечи, – стиль деловой женщины.

Сын Олег за прошедший год сильно вытянулся и стал еще больше походить на Светлану. Впрочем, Варяг не видел в этом ничего дурного. Наоборот, есть такая примета: если сын похож на мать, то ему на роду написано быть счастливым. Сам Варяг горя хлебнул предостаточно и мечтал о том, чтобы беды обошли Олега стороной. Сын напоминал ему американского подростка: кепка набок, на ногах роликовые коньки, а в глазах неистовый блеск от всевозможных желаний. Варяг с грустью отмечал, что сын разговаривал на родном языке, вставляя в него множество нелепых американизмов, а герои американских мультфильмов были ему ближе, чем Серый Волк и Иван Царевич. И уж конечно, ему никогда не понять отца, для которого тюрьма такой же дом, как для него детская, переполненная игрушками.

Варяг не однажды задумывался о том, что будет, когда сын вырастет. Какую стезю он пожелает избрать? Варяг всегда видел своего Олега рядом с собой, но это вовсе не значило, что сыну следовало усвоить преимущества отмычки перед обыкновенным ключом и без приглашения проникать в квартиры незнакомых граждан. Олег мог выучиться, стать адвокатом и в созданной его отцом системе занять подобающее ему место. В дальнейшем Олег Владиславович не только станет наследником отцовских капиталов, но и возглавит дело.

Но вот как быть с короной?

Титул вора в законе не передается по наследству, это не вотчинные земли и не дворянский герб. В первую очередь он – свидетельство доверия людей, которая решила наделить одного из своей среды особыми полномочиями. Это звание нужно заслужить, и оно не будет иметь силы, если его не подтвердит зона. «Пиковые воры» пошли по другому пути – они передавали воровскую корону старшим отпрыскам вместе с накопленными капиталами. Подобных действий Варяг не понимал.

Прозвеневший звонок заставил задумавшегося Варяга вздрогнуть. Он бережно поставил фотографию на стол и снял трубку.

– Вы не могли бы соединить меня с Владиславом Геннадьевичем? – услышал Варяг осторожный мужской голос.

– Я слушаю.

– Вас беспокоит Андрей Егорович Платонов.

– Вот как? Я рассчитывал, что вы позвоните только завтра.

– Почему?

– Очень уж скоропалительно вы уехали – в пять часов утра. Машина – девятая модель «Жигулей». Такая быстрая эвакуация заставила меня заподозрить, что вы будете раздумывать несколько дольше. Но все хорошо, что хорошо кончается.

– И о моем отъезде, смотрю, вы тоже знаете?

– Уважаемый Андрей Егорович, я уже говорил вам о том, что организация у нас серьезная. Я знаю не только то, во сколько и на чем вы уехали, но и где вы сейчас находитесь – на семнадцатом этаже жилого дома, в квартире с пуленепробиваемыми стеклами в окнах. Квартиру эту вы сняли для разных интимных встреч. Ваши окна выходят на пустырь... Не

волнуйтесь, мне незачем устранять вас. Я уже говорил, что это не мои методы. Уничтожить вас мы и так можем. Так вот, посмотрите в окно. Видите темно-серый «БМВ»?

– Ну?

– Это одна из тех машин, что сопровождали вас до дома. Теперь она ждет вас. А еще вас ждут две вещи на выбор: либо следствие и зона, либо дальнейшая блестящая карьера.

– Понимаю... Когда мы встретимся?

– Я предлагаю – немедленно. Нам нужно обсудить целый ряд неотложных проблем.

– Я выезжаю.

Платонов задернул шторы, достал из шкафа костюм, критически посмотрел на него, повесил на место, достал другой. Надев костюм, долго подбирал галстук. Ему хотелось выглядеть перед Варягом не сломленной жертвой, а полноправным партнером. Выйдя в прихожую, он увидел на вешалке кобуру с табельным оружием и усмехнулся каким-то своим невеселым мыслям.

На выходе из подъезда его встретил крепкий парень-водитель:

– Мне уже звонили... Прошу вас в машину, Андрей Егорович.

Парень услужливо распахнул перед Платоновым заднюю дверцу, и генерал сел в машину, подумав, что начинается все не так уж плохо.

Глава 5

ВЫБОР ВСЕГДА ЕСТЬ

– Видишь высокого человека с папкой в руках? – показал Чижевский взглядом на мужчину, стоявшего у ларька.

– Так.

– Это наш клиент. Разрабатывать его и копать компромат некогда – уже послезавтра его место должен занять наш человек. Так что, к сожалению, придется мочить...

– Понял, сделаем, – ухмыльнулся собеседник Чижевского, полноватый, добродушного вида парень лет двадцати пяти.

Они сидели в вишневом «Пежо» с затемненными стеклами и наблюдали за тем, как на противоположной стороне улицы полковник Старостин с трудом наскребает мелочь на пачку сигарет. Получив свою «Яву», долговязый сутулый полковник энергично зашагал прочь от ларька, смешно выбрасывая ступни в стороны. Костюмчик на нем был дешевенький, очки с простыми стеклами, взгляд по-детски беззащитный.

– А это точно он? – усомнился собеседник Чижевского. – Варяг с нас шкуру спустит, если не того замочим.

– Не впечатляет? – с улыбкой спросил Чижевский.

– Абсолютно, – кисло отозвался полноватый.

– Я бы тоже не поверил, если бы еще раньше его не разрабатывал.

Полковник Старостин, прозванный сослуживцами Кощеем за худобу и нескладность, свою военную карьеру закончил десять лет назад, после чего серьезно занялся наукой, защитил докторскую диссертацию и в настоящее время считался одним из ведущих экспертов по авиационной технике. Его продолговатая голова, смахивавшая по форме на дыню, была набита тактико-техническими данными новейших военных летательных аппаратов. Полковник не пропускал ни одной авиационной выставки и считался чем-то вроде визитной карточки российской делегации. Он имел массу знакомств среди военных и деятелей науки всего мира. В своем ведомстве он был незаменим.

Старостин не афишировал своих особых отношений с начальником Госснабвооружения Платоновым. На людях они здоровались сухо, чисто по-деловому. Только единицы, и в их числе Варяг, знали о том, что Старостин и Платонов являлись партнерами. Всякий раз после реализации за рубежом самолетов и запчастей к ним они делили черный нал на подмосковной даче Платонова.

Долговязый человек остановился у светофора, дисциплинированно подождал, пока вспыхнет зеленый, и только после этого ступил на проезжую часть. – Пора, – произнес Чижевский. – Теперь твоя очередь.

– Понял, – отозвался его спутник, раскрыл кейс и достал оттуда австрийский пистолет «Глок-17» с уже навинченным на ствол глушителем.

Расстояние до Старостина не превышало тридцати метров – стандартная дистанция при стрельбе в тирах. Долговязый не подозревал о том, что в машине с затемненными стеклами, стоявшей в тени двух кленов, скрывается его смерть.

Дотопав до середины дороги и заметив красный свет, Старостин остановился на пешеходном островке, явно не желая по пустякам подвергать свою жизнь опасности. Полноватый спутник Чижевского опустил боковое стекло, поерзал на сиденье, выбирая позицию поудобнее, и медленно поднял руку с пистолетом, придерживая ее другой ладонью.

Глухого хлопка выстрела в уличном шуме никто не услышал, только на пешеходном островке долговязый мужчина вдруг вздрогнул, зашатался и повалился ничком на асфальт.

Вокруг его головы быстро начала растекаться лужица неправдоподобно алой крови. Зажегся наконец зеленый свет, но земной путь полковника Старостина был уже окончен.

* * *

– Извините, я поеду побыстрее – шеф торопит, – повернулся к Платонову водитель, включая зажигание.

– Пожалуйста, – равнодушно ответил генерал.

Он не знал, что значило «побыстрее» в устах этого парня. Раз за разом «БМВ», не снижая скорости, избегал неминуемого столкновения в плотном потоке машин. Водитель о чем-то говорил, но Андрей Егорович не понимал смысла его слов, судорожно цепляясь пальцами за подлокотники сиденья и тяжело переводя дух, едва опасность в очередной раз проходила стороной.

Когда «БМВ» лихо влетел на автостоянку перед гостиницей и остановился, Платонов почувствовал огромное облегчение. «Живой пока», – подумал он. Шагая вслед за водителем к офису Варяга, генерал стал вновь припоминать все то, что за прошедшие сутки успел выяснить о будущем партнере. Один из самых авторитетных людей в криминальном мире и при этом широко образован, доктор наук, знает два иностранных языка. Не раз сидел в тюрьме – якобы по политическим статьям, но это, конечно, туфта – и в то же время имеет невероятно широкий круг общения, тесно знаком с многими известными артистами, писателями, художниками, учеными, его дружбы ищут бизнесмены и генералы милиции. Ворочает огромными деньгами – вкладывает их в банки, в недвижимость, в производство, в экспортно-импортные операции, в шоу-бизнес, спонсирует партии и политические движения. Свой человек во всех политических, литературных, музыкальных тусовках. Его рабочий день расписан по минутам – таким плотным графиком могли бы похвастаться только директора крупнейших компаний. В одном из интервью Варяг заявил, что не принимает разговоров о своем якобы криминальном прошлом, – в настоящее время он предприниматель, честно платит налоги и готов общаться с прессой только как предприниматель.

О том, что Варяг совсем недавно сидел в тюрьме и совершил побег, Платонову узнать не удалось – человек, принимавший Варяга в особняке на Пречистенской набережной, держал свое слово.

Генерал прекрасно понимал, чем вызван интерес Варяга к его персоне. Все дело было в нелегальных сделках, которые Платонов проворачивал в последние годы, имея стойкие связи с заводами, создававшими неучтенные излишки продукции. Вертолеты, танки, орудия продавались в Латинскую Америку, в Африку, на Ближний Восток, а деньги от подобных сделок делились между непосредственным производителем продукции и тем лицом, которое помогло ее продать. Порой операции заключались внезапно: так, в прошлом году Платонов вывез на выставку шесть новейших танков, а домой вернулось только два. Генерал прорабатывал различные варианты объяснения такой «утрастки»: пожар на складе, арест на границе, но разрешилось все предельно просто – нашелся выход на людей из окружения Президента, способных «закрыть вопрос», и этим людям была передана треть дохода от сделки. Остальное Платонов спокойно положил себе в карман. Очевидно, в какой-то момент он потерял бдительность, забыв о том, что следить за ним могут не только корыстолюбивые чинуши из ФСБ, но и ребята с золотыми фиксами и наколками на пальцах.

Водитель услужливо открыл тяжелую дверь перед Платоновым, пропустил его в кабинет и, оставшись снаружи, закрыл за ним дверь. Варяг поднялся навстречу гостю и, пожимая ему руку, серьезно произнес:

– Благодарю вас за то, что вы приняли наше предложение. Для нас большая честь сотрудничать с вами.

– Насколько я понимаю, у меня просто не было другого выбора, – со вздохом произнес Платонов.

– Выбор всегда есть, – строго возразил Варяг. – Важно просто сделать правильный выбор. Я знал, что мы с вами договоримся. Учтите, я намерен работать с вами предельно честно, и жду того же от вас. Итак, моя первая просьба: мне хотелось бы принять участие в авиационной выставке в Мексике.

Платонов отрицательно покачал головой:

– Это совершенно невозможно. Все списки уже согласованы и утверждены в аппарате администрации Президента.

– Вы меня не поняли, – добродушно сказал Варяг. – Я бы хотел присутствовать на выставке не в качестве гостя, а в качестве эксперта по летательным аппаратам.

Платонов внимательно посмотрел на Варяга и пришел к выводу, что тот говорит серьезно.

– Подобное невозможно в принципе. Система Госснабвооружения не пропустит чужака, а тем более человека с сомнительной репутацией. А потом, чтобы стать экспертом, нужно знать новейшие технологии, быть в курсе соответствующей литературы. И наконец, это место просто занято! Не могу же я отстранить человека, не дав ему никаких объяснений!

– Пункт первый: зря вы считаете меня таким уж наивным, – невозмутимо возразил Варяг. – Вопросами вооружения и, в частности, военной авиацией я интересуюсь давно. Чувствовал, знаете ли, за этим делом немалые перспективы. Читал и соответствующие журналы, в том числе и зарубежные. Глубоким знатоком я, вероятно, не стал, но и в грязь лицом в разговоре не ударю. Пункт второй – насчет консерватизма системы и моей сомнительной репутации: кадровые вопросы находятся в вашей компетенции, а если кто-то захочет покопаться в моей биографии, то милости просим. На данный момент она чиста. Да и не надо пытаться быть святее папы римского: у нас вице-премьеры совершенно откровенно берут взятки, а вы так беспокоитесь из-за репутации какого-то несчастного эксперта. Наконец, пункт третий – насчет того, что место занято: час назад назначенный на это место полковник Старостин был застрелен на улице неизвестным преступником. Почему бы место полковника не занять мне?

По спине Андрея Егоровича пробежал мороз. Платонов несколько раз судорожно открыл рот, вдохнул воздух, но слова не приходили на ум. Варяг заметил его волнение и развел руками:

– Я не хотел вас пугать. Просто до выставки осталось слишком мало времени.

Глава 6

РЕШЕНИЕ СХОДА

– Варяг, а не слишком ли часто ты стал выставляться? Мелькаешь по телику, интервью даешь... Скоро на эстраду полезешь, а мы всем сходячком в один голос твои хиты подхватим, – это сказал Барин, славившийся острым языком. – Ты позабыл наше правило – не выставляться! – выдержав паузу, продолжил он. – Если дерево торчит посреди поля, то молния в него и ударит. Какой от тебя толк, если ты мозолишь глаза всем, а значит, и ментам? Мы сильны тем, что невидимы! Нам не нужен дешевый понт!

Первый свой срок Степан Григорьев, ныне Барин, получил за карманную кражу в неполные шестнадцать лет. Повязала его семидесятилетняя старуха, которую так разъярило покушение на ее кошелек, что Степан потом полгода ощущал на горле хватку ее железных пальцев. Уже на зоне Степа получил еще шестерик за то, что в пылу ссоры пырнул одного из обидчиков заточкой. При выходе на волю он имел вполне заслуженный авторитет «правильного пацана», и потому никто не удивился, когда через два года четверо уважаемых воров рекомендовали его на звание законного. Зона, в которой он парился до звонка, тепло отозвалась о своем воспитаннике, согласилась с рекомендацией достойных людей и пожелала Степану Бога навстречу.

После коронации Степан получил новое погоняло Барин.

Недоброжелатели рассказывали, что эта кликуха прилипла к нему в последние годы отсидки. Тогда законные вывели его в положенцы, и он стал смотрящим в одном из крупнейших лагерей Сибири. Как и подобало смотрящему, Степан не только следил за тем, чтобы баланда у братвы была наваристой, но и разрешал всевозможные конфликты, причем оспаривать свои приговоры не позволял. Мужики косились на Григорьева и язвительно повторяли некрасовскую строчку: «Вот приедет барин, барин нас рассудит».

Степан был учеником легендарного вора дяди Васи и бескомпромиссно придерживался сложившихся воровских традиций. Однако это не мешало Барину дважды в год отдыхать за границей, где он вел поистине купеческий образ жизни: никогда не брал сдачу, прикуривал от столонных бумажек, бил зеркала, заказывал в номер самых дорогих шлюх и всем напиткам предпочитал русскую водку.

В среде законных о Барине ходил неприятный слухок, будто он играл на поле «новых воров», которые за большие деньги покупали его голос на сходячках. Однако без доказательств с подобными обвинениями на толковище выходить было нельзя – могли оттяпать длинный язык, а то и голову.

– Пойми, Варяг, мы не делаем тебе предъяву, иначе наш разговор был бы не таким, – вступил в разговор другой вор – Паша Сибирский. – Мы просто хотим решить, как нам жить дальше. А в том, что говорит Барин, есть свой резон. Мы не кинозвезды, чтобы на нас все смотрели. Вспомни Грача – его развенчали только за то, что он пару раз засветился по ящику, и теперь в новосибирской зоне чалится обыкновенным мужиком. А ты ведешь себя так, словно для тебя не существует никаких законов. Если ты вор, так будь вором!

Паша Сибирский был родом из Братска, отсюда и его погоняло. Он занимался тем, что скупал рентабельные шахты и угольные разрезы, чтобы перевести их в собственность сходячка. Другим угольным предприятиям он обеспечивал воровскую «крышу». При его непосредственном участии создавались шахтерские профсоюзы, которые должны были держать под контролем рабочую массу и не позволять ей слишком навязчиво интересоваться тем,

куда уходят деньги, выделяемые федеральным центром на поддержку угольных регионов, и почему добытый уголь проходит через руки десятка посредников. С другой стороны, карманные профсоюзы должны были стать занозой в заднице у областной администрации и у правительства.

Организованные ими забастовки позволяли выбивать из Москвы новые деньги и принимать новые законы, угодные сходяк. Следовало отдать должное Варягу – именно он понял в свое время грядущую роль профсоюзов. Паше неприятно было сознавать то, что в своих прогнозах Варяг обычно оказывался прав, обладал ясным мышлением и блестящей интуицией. Однако воровская закалка, приобретенная в «черных» зонах Воркуты и Колымы, разжигала в Паше кураж и побуждала к бунту. Поведение Варяга частенько смахивало на фряерскую рисовку, а подобные вещи не прощались даже самым именитым. Реши сходяк, что Варяг зарвался, Паша Сибирский с удовольствием лично обесчестил бы его пощечиной.

Варяг ни на кого не смотрел. За все время обсуждения он не проронил ни слова, проявляя незаурядную выдержку. Он напоминал изваяние языческого божества, возле которого искусные жрецы оттачивают свое красноречие. Однако все присутствующие смутно чувствовали, что достаточно статуе раскрыть свои каменные уста – и жрецы пристыжено умолкнут.

– А теперь выслушайте меня, люди, – не повышая голоса, произнес смотрящий. – Я понимаю вашу озабоченность, но позвольте мне действовать так, как того требует ситуация. Нам нужно было легализовать накопленные капиталы, а провести подобную акцию, не заглянув ни разу в объектив, невозможно.

Варяг сидел в удобном и в то же время изящном кресле, обтянутом кожей пепельного цвета с золотым тиснением. В таких же креслах сидели восемь его гостей. Каждый из предметов мебели, находившейся в доме, являлся штучным изделием и был выполнен в стиле Людовика XVI. Построить особняк Варяг надумал еще в зоне. Нашел людей, сумевших изготовить чертежи, сам проконтролировал результат, подобрал бригаду классных строителей и затем еженедельно получал отчеты прораба о проделанной работе. Когда до выхода Варяга на волю оставался лишь месяц, прораб сообщил, что отделка закончена и можно приступать к покупке мебели. Особняк был выстроен в викторианском стиле – любимом стиле английских богачей XIX века – и обнесен высоким гранитным забором, способным выдержать прямое попадание тяжелого снаряда. Стекла в доме были пуленепробиваемыми, крепкие металлические ворота снабжены электроприводом. Повсюду виднелись телекамеры, образующие в совокупности целую систему слежения. Два оператора с ее помощью непрерывно обозревали с единого пульта все подступы к особняку. Отделка внутренних помещений была выполнена из ценнейших пород дерева – даже выдавшие виды законники с почтением отметили эту роскошь. Из подвала в сторону леса был прорыт потайной ход.

– Слишком большие деньги поставлены на кон, я знаю, как их добыть, и действовать иначе не имею права, – продолжал Варяг. – Кто из законных может похвастаться тем, что проник в Госснабвооружение? Мы будем первыми, но это только начало. Через год мы подтянем наших людей на ключевые посты и возьмем в свои руки поставки оружия в страны Ближнего Востока, в Латинскую Америку, в Европу. На одних только АКМ мы увеличим общак на десятки миллионов долларов. Но впереди торговля высокотехнологичными товарами. Продажа одного новейшего танка дает прибыль в сотни тысяч долларов, а представляете, на сколько пополнится общак, если мы сумеем продать целый эшелон? Прибыль от продажи современного истребителя исчисляется миллионами долларов, а если мы продадим эскадрилью? Мы никак не вправе пройти мимо такого бизнеса. Конечно, приходится отступить от традиционного воровского ремесла, уже не нужно толкаться в метро и вытаскивать

кошельки у фраеров. Работа с оружием сулит нам больше прибыли и меньше риска, чем любое другое дело, включая наркоту.

Беседа воров напоминала дискуссию дипломатов за круглым столом. Стол в комнате и вправду был нестандартный – огромный, овальной формы, он занимал едва ли не все помещение и своими размерами и качеством столярной работы мог бы украсить любой кремлевский зал для приемов. На белоснежной скатерти теснились блюда с салатами и всевозможными закусками, бутылки с дорогими напитками, однако гости мало ели и еще меньше пили. Казалось, едят и пьют они лишь для того, чтобы не обидеть хозяина.

– Вот что я хочу сказать, люди, – произнес старый вор дядя Толя, отодвигая блюдо с сациви. – Мы уже не первый раз собираемся, чтобы заклеить Варяга, но всякий раз он доказывал нам свою правоту – сначала словами, а потом делом! Он ни разу не обманулся в своих прогнозах. Его дела приносят в общак колоссальные деньги, это нельзя не учитывать. Вот что я вам скажу, люди: Варяг выстрадал свою правоту. Верили мы ему раньше, нужно поверить и на сей раз.

Дядя Толя представлял собой классический тип законного вора. Собственного жилья он не имел, зато во всех тюрьмах Москвы был своим человеком, и начальники следственных изоляторов не стеснялись признаваться в своих дружеских отношениях с известным вором. Семей дядя Толя не обзавелся – не по понятиям! – зато по всей России у него росло целое племя незаконнорожденных детей, и это только добавляло ему авторитета. Он не делал тайны из того, что ежемесячно рассылал по разным городам и весям страны немалые суммы на воспитание своего потомства.

– Бог тебе в помощь, Варяг, – поддержал дядю Толю вор по кличке Громовой, которая очень подходила к его вечно насупленному лицу. – Для братвы самое главное, чтобы общак не оскудевал, и если Варяг взялся за дело, то, значит, так оно и будет. Ну а мы уж со своей стороны позаботимся, чтобы братва наша грелась, как положено, и тропки на зону не заросли бурьяном.

Варяг благодарно улыбнулся. Он выиграл битву.

Глава 7 ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

– Знаешь, что тебе за это будет? – сурово посмотрел майор на стоявшего перед ним румяного парня лет двадцати двух.

– Нет, – прозвучал напряженный голос.

– Так вот, тебе светит не менее десяти лет тюрьмы. Неплохо, а?

Краснощекий молчал, переминаясь с ноги на ногу.

– Да ты присаживайся, вот стул. В тюрьме хоть и будет время посидеть, но все же ноги беречь нужно. Рассказывай, как все получилось.

Краснощекий скромно устроился на самом краешке стула.

– Даже не знаю... Он мне похабщину сказал – дескать, ты сейчас здесь, а за забором твою кралю богатенькие чуваки потягивают... Я не хотел его убивать – просто ударил, а он захрипел, схватился за горло и повалился на пол. Я не сразу сообразил, что убил его, – только потом, когда другие ребята подошли...

– Да-а, влип ты, парень, в дерьмо по самые уши. Невеселая получается история. Всю жизнь себе обгадил одним непродуманным поступком. Ты мастер?

Краснощекий кивнул.

– Мастер... по рукопашному бою.

– Учебные классы, мой друг, это тебе не место для разборок. Здесь совсем другие отношения! Разведчик тем и отличается от простых смертных, что способен улыбаться самому заклятому врагу. Выдержка должна быть, мой друг. Это без свидетелей разведчик может вспороть врагу брюхо и выпустить кишки наружу, а в присутственном месте не должно быть ни одного враждебного действия. Ты меня понял?

– Да.

– Ни хрена ты не понял, – в сердцах махнул рукой майор. – Даже сейчас ты не о покойничке думаешь и не о предстоящем наказании, а о том, как тебя встретят на зоне. Ведь так?

Щеки парня заалели еще сильнее.

– Так.

– Может быть, и правильно делаешь, что думаешь об этом, – сказал с печалью в голосе майор. – А встретят тебя, прямо скажу, неважно. Хотя бы уже потому, что ты успел засветиться в нашей спецшколе и целый год носил милицейскую форму. Следует признать – не любят зеки нашего брата! Если ты попадешь на милицейскую зону, у тебя есть еще шанс выбраться оттуда с нетронутой задницей, а если попадешь в обыкновенную, то, поверь мне, шансов никаких! Набросят тебе на горло шнур, и будут потешаться над тобой всем баракком. Тебя как зовут?

– Николай. Николай Радченко.

– Колька, значит, – вздохнул майор. – Так вот, на зоне тебя станут называть Ольгой! А бабья доля в мужском бараке незавидная. Несмотря на твою силу, тебя заставят отдаваться за пару затяжек! Но-но, не сверли меня глазками-то, я тебе не тот бедный курсантик, я ведь тебя и пристрелить могу! – похлопал майор по кобуре, висевшей у него на поясе. – Тем более что кобура у меня не застегнута, вытащу в долю секунды и вобью в твою твердолобую башку несколько порций свинца. И, что самое интересное, мне ничего за это не будет! Ровным счетом ни-че-го. Объясню начальству, что защищался, обрисую в мрачных красках твое поведение, скажу, что ты на меня напал, а я защищался, и начальство мне с легкостью поверит. Ты для всех уже никто! Тебя уже вычеркнули из всех списков, так что поумерь свою прыть и слушай меня внимательно. Ты вообще знаешь, кто я такой?

– Наслышан. В нашей школе вы возглавляете особый отдел.

– Верно, – майор слегка улыбнулся. – Я не подчиняюсь вашему генерал-майору, у меня имеется свое серьезное начальство, но и в мои обязанности входит следить за порядком в школе. А вот ты этот порядок нарушил и тем самым доставил мне кое-какие неприятности.

Хотя секретная спецшкола МВД размещалась в современных зданиях, кабинет майора был обставлен в старорежимном духе. Одну из стен украшал огромный портрет Железного Феликса в полный рост: главный чекист страны строго взирал на вошедшего. Его глаза как будто говорили: «И для тебя, браток, у меня приготовлена премиленькая камера». Прочая обстановка была выдержана в стиле тридцатых годов. Видимо, замысел хозяина кабинета заключался в том, чтобы на посетителя повеяло ледящей жутью ежовских застенков. Сам же майор чувствовал себя в этом жутковатом антураже вполне комфортно и, вероятно, воображал себя сталинским наркомом, допрашивающим очередного «врага народа».

– Тебе не страшно? – неожиданно поинтересовался майор.

– Теперь поздно бояться, – отозвался Николай как можно бодрее.

– Это точно, поздно. Но кое в чем с твоим начальством я не согласен. Из тебя вышел бы неплохой специалист, да вот вляпался ты не вовремя. Хочешь, я тебе помогу?

В глазах у парня что-то изменилось.

– Разве это возможно?

– Не хочу сказать, что я господь Бог, но от тюрьмы тебя убереечь сумею. Конечно, ты не сможешь вернуться в школу, но тебе это будет и не нужно. Если ты примешь мое предложение, тебя ожидает совершенно другая карьера.

– Я согласен.

Майор удивленно поднял брови:

– Ты даже не хочешь спросить, чем придется заниматься? А может, я тебе прикажу организовать еще несколько жмуриков?

– Теперь мне все равно. У меня такое ощущение, что я уже прошел через самое страшное.

– Надеюсь, убивать тебе больше не придется, хотя я в дальнейшем смогу покрывать твои грехи, – конечно, в рамках разумного...

– Что я должен делать?

– Вот этот вопрос мне уже нравится. Но давай договоримся, что он будет твой первый и последний. Далее все вопросы буду задавать я.

– Согласен.

– Для начала подпиши вот эту бумагу... Не пугайся, здесь не содержится ничего страшного. – Майор вытащил из папки лист бумаги с отпечатанным на компьютере текстом. – Здесь сказано, что ты согласен работать на наши органы безопасности и поступаешь в распоряжение сверхсекретного отдела под кодовым названием «Вепрь».

Парень внимательно прочитал текст и сразу же поставил под ним размашистую подпись.

Майор аккуратно вытащил лист бумаги из-под руки Николая и бережно вложил его в папку.

– А вот тебе еще один документик. Извини, но я был уверен, что ты согласишься, а потому составил его заранее. Теперь ты числишься в нашем подразделении как тайный агент Глухарь. О твоём существовании будут знать только два человека. Один здесь – это я и один в Москве. Кто он, тебе знать не обязательно. И еще вот что. Прочти внимательно вот этот пункт, – майор протянул парню бумагу. – Только не надо делать круглые глаза, ты не девочка. Здесь написано, что если ты кому-нибудь даже случайно ляпнешь о своем задании, то тебя растопчут, как лягушку. – Майор сел на край стола, и теперь Николай мог рассмотреть каждую пору на его лице. – Ты меня понял?

– Да.

– Вот и отлично. А теперь поконкретнее. Ты должен следить за одним деятелем из партии «Новая Россия». Зовут его Павел Несторович Гордеев. За такими типами, как он, большое будущее, и оно нас очень беспокоит. Нам не хотелось бы очередного фюрера. Ты должен не только проникнуть в его партию, но по возможности подойти к нему самому как можно ближе. Для начала советую побывать на митинге, где будет выступать Гордеев. Я не знаю ни одного другого человека, который бы столь убедительно-мощно и одновременно трогательно говорил. С таким голосом и дикцией, как у него, грешно не стать одним из ведущих политиков России, а если к этому добавить его безупречную внешность: высокий рост, правильные черты лица – так шансы увеличиваются вдвое. За него проголосует вся женская половина страны! Мы с тобой будем встречаться каждую неделю, ты будешь рассказывать мне о нем все. Разумеется, не бесплатно. Мы небогатая организация, но кое-какими деньгами располагаем, так что с голода не помрешь. А теперь ступай... Глухарь.

Николай недоверчиво посмотрел на майора.

– Что, можно прямо так и уходить?

– Вот твое обязательство. – Майор красноречиво постучал по папке, где лежала бумага с подписью. – Теперь ты от нас никуда не денешься.

Глава 8 СЕКСОТ

– Хорек, это ты? Я тебя жду у подъезда, ты мне нужен!

На противоположном конце провода раздалось радостное восклицание, сменившееся щенячьим повизгиванием:

– Колян, ушам своим не верю! Неужели это ты?! А то, знаешь ли, разное говорили: будто бы ты кого-то замочил и сейчас сидишь в изоляторе...

– В школе тоже имеются умные люди. Разобрались, как следует, и отпустили. Ведь я же его ненарочно. Случайность вышла. Ладно, выползай быстрее.

– Расскажешь. Жди, я мигом!

Сумерки опустились на двор, размыв очертания зданий и силуэты двух парней, сидевших в глубине двора на скамейке.

– Селезня с Ухтомского помнишь? – спросил один из них – тот, что был покрупнее.

– Ну?

– Из-за него, козла, я чуть срок не заработал. Распустил Селезень язык, за базаром перестал следить, вот мне и пришлось врезать ему по горлу. Да перестарался я малость, так что крякнул наш Селезень.

– Круто, – уважительно протянул Хорек, невысокий парень с длинной цыплячьей шеей. – Драться ты умеешь. Только как ты все-таки выбрался? Может, ноги сделал?

– Ты что, мне не веришь? – тон круглолицего сделался почти угрожающим. – Стал бы я тогда тебе названивать. Тогда я бы уже давно на срыв пошел – в тайгу куда-нибудь или в Китай. Так что все чисто.

– На скамейке между собеседниками стояли четыре бутылки пива. Колян взял одну из них, умело откупорил о край лавки и, обтерев горлышко, пригубил. Сделав несколько больших глотков, он смачно рыгнул и с легким стуком поставил бутылку на место.

– Колян, а ты у жены-то был?

– Нет еще. Сразу к тебе, так что цени, Хорек, – серьезно ответил круглолицый и спросил в свою очередь: – Пока я в школе был, за ней никто не подстреливал?

– Да нет, что ты! – возмутился Хорек. – Она у тебя святая, как мадонна.

– Если узнаю что-нибудь такое, так убью и ее, и хахаля! – спокойно произнес Николай и сделал большой глоток.

Хорек тоже потянулся к бутылке. Что-то с Коляном определенно произошло. Скорее всего, учеба в этой спецшколе ему мозги набекрень сдвинула.

Хорек внимательно посмотрел на приятеля.

– Чего вылупился?

– Так...

Бутылка открылась с четвертой попытки. Отброшенная крышка звонко стукнулась обо что-то металлическое и затерялась в траве.

Хорек отхлебнул пива и весело добавил:

– И правильно сделаешь. Сколько баб забеременели, пока их пацаны под ремнем в армии стояли? Им только дай свободу! Знаешь, где краля Селезня работает?

– Ну?

– В коммерческом киоске, неподалеку отсюда. Красивая баба, с такой мордахой, как у нее, только мужиков зазывать.

Колян зашвырнул в кусты бутылку с остатками пива. Раздался треск сухих сучьев.

– Пойдем! – поднялся со скамьи Колян.

– Куда? – не понял Хорек.

– Навестим кралою Селезня. Хочу посмотреть на нее. Да оставь ты это пиво! – вырвал Колян из рук приятеля бутылку. – Она же в киоске работает? Вот и напоит тебя.

Дорога действительно оказалась короткой – минут через пять они подошли к небольшому киоску. Николай уверенно забарабанил в дверь.

– Кто там еще?! – послышался из глубины помещения сердитый женский голос.

– Открывай, милиция! – грозно отозвался Хорек.

За дверью послышались торопливые шаги, а потом тот же звонкий голос с укором произнес:

– Надоели мне твои шуточки, Игорь! Все время одно и то же! Не можешь что-нибудь пооригинальнее придумать? Будешь так борзеть, так я на тебя вообще Назару пожалуюсь!

Замок дважды щелкнул, и дверь распахнулась.

Николай по-хозяйски ввалился в киоск, оттеснив внутрь застывшую в недоумении девушку.

– Чего вам надо? – спросила та наконец.

– Испугалась? – поинтересовался Николай.

– Чего вам надо?!

– Эта соска с Селезнем трахалась? – по-деловому поинтересовался Николай у Хорька.

– Она самая.

– Закрой дверь, Хорек, у меня к ней разговор коротенький будет. – Дверь захлопнулась. – Ты знаешь, сука, что я из-за твоего хахаля чуть десять лет зоны не получил? – угрожающе спросил Колян, наступая на продавщицу.

Девушка испуганно отступила в глубину киоска, задевая при этом банки с пивом, блоки с сигаретами, упаковки с соком. Все это валилось к ее ногам, но она даже не пыталась подобрать рассыпавшийся товар.

– Ничего я не знаю, – пробормотала она. – Уходите, если не хотите неприятностей! Это киоск Назара! Слыхали о таком?!

– Хорек, ты слышишь? Она пугает нас Назаром!

Хорек угодливо хохотнул.

Николай ухватил пальцами девушку за щеку и прошипел:

– Дура, я поставлю раком не только тебя, но и твоего Назара!

– Вот ты сам ему об этом и скажи!

– Ах ты, сучка остроумная! – В тесном пространстве киоска оглушительно прозвенела пощечина. – Я тебя научу светским манерам!

В стекло нетерпеливо постучали.

– Чего хотел? – высунулся Хорек.

– Сигарет не продадите? – спросил мужчина.

– Не видишь, что ли?! Учет! – Хорек закрыл окошечко и задернул шторы.

– Оборзела, блядина! – воскликнул Колян. – Что за моду взяли эти соски – так разговаривать с уважаемыми людьми!

Неожиданно он совершенно успокоился. Это был очень плохой признак.

– Я тебя, мразь, на понт брать не хочу. Несколько дней назад я угробил твоего Селезня.

– Как?!

Николай хмыкнул:

– Интересуешься? Ткнул ему ладошкой в горло, вот его и не стало. Могу это повторить и с тобой... если мы, конечно, не договоримся. А теперь ответь мне на один вопрос, красотуля: каким способом тебя Селезень дерет? Кто-то тебя должен ведь утешить, так почему же не я?

Отступать было некуда – лопатки девушки уперлись в стену.

– Не посмеешь!

– Ты, видно, еще ничего не поняла. Юбку, дура, подними! Да повыше, чтобы я твой сейф разглядел. Хорек, помоги ей, а то нам эту сучку до утра не уговорить.

Хорек захихикал и с готовностью ухватился за подол девушки.

– Отпусти! Отпусти! – пыталась она высвободить юбку из цепких пальцев Хорька.

– А ножки-то у нее стройные!

Девушку опрокинули на стол, разметав при этом во все стороны металлические банки, с грохотом полетевшие на пол. Николай рванул колготки, и прозрачная пленка мгновенно разъехалась, обнажив голые бедра. Звонкая оплеуха заставила тренькнуть бутылочки с пивом.

– Шире ноги, паскуда! Еще шире, чтобы не туго было, чтоб мне мозолей на елде не натереть: А хорошо. Класс! Признайся, голуба, Селезень и вставить-то не умел! Не будь меня, так настоящего мужика ты бы и до смерти не попробовала.

Николай по-хозяйски обхватил бедра девушки и входил в нее яростными толчками.

– Улыбайся, сучка! Не люблю, когда баба подо мной с кислой рожей лежит. Ну, кому сказано?! Поласковой!

Прозвенела новая оплеуха.

Девушка попыталась улыбнуться, но вместо улыбки у нее получилась болезненная гримаса.

– Шире улыбку! Селезню-то небось не с такой кислой рожей давала! Хорек, дай ей еще разок по губам, а то у меня руки заняты.

Хорек, заливаясь смехом, ударил девушку по лицу.

– Получила? Будешь в следующий раз знать, как не слушаться старших. А теперь улыбайся... Вот так: Это уже получше будет. Ох, хорошо!

Николай на мгновение замер, прикрыв глаза, потом впился ногтями в бедра девушки, расцарапав кожу, и что было сил ткнулся тазом вперед.

– Все! – радостно объявил он. – Уверяю тебя, голуба, это лучший акт в твоей жизни. Лет через тридцать, когда состаришься, будешь меня вспоминать с благодарностью. А беззубым подругам будешь рассказывать, что был у тебя один ухарь, который отпахал тебя до болей в паху, и ты неделю заглядывала под юбку, думая, что у тебя там полено вставлено. – Колян отстранился от девушки. – Тряпку подай! Не идти же мне с мокрым хреном.

Девушка не слышала его – она лежала, поджав ноги, и тихонько всхлипывала. Хмыкнув, Николай вытер член краем скатерти, после чего повернулся к Хорьку:

– Может, ты желаешь? Уверяю тебя, девка ништяк. По второму заходу пошел бы, да дела кое-какие имеются. Я пойду, а ты развлекайся.

– Хорек деловито откупорил банку с пивом, сделал изрядный глоток, громко рыгнул и ответил:

– Ты не подумай, Колян, что я брезгую, но сейчас мне больше пивка охота. Как-нибудь в другой раз.

Николай не спеша застегивал ремень.

– Ну, смотри сам. Как говорится, было бы предложено, а то еще обидишься. Пакет возьми, положи в него чего хочешь. Слышь, Хорек, а я теперь покойному Селезню молочным братом сделался.

– Хе-хе-хе! – мелким смешком отозвался Хорек, наполняя огромный полиэтиленовый пакет банками с баварским пивом.

– Да прикройся ты, дура! – рыкнул Николай. – Кайфа больше не дождешься.

Пиво было свежим и прохладным. Оно приятно щекотало язык и охлаждало разгоряченное нутро. Легкий хмель заставил забыть о подвигах последней недели, и теперь Колян жалел только о том, что позабыл прихватить из киоска орешков. С соленьким было бы самое то!

Омоновцы появились внезапно. Один из них пинком выбил из рук Коляна банку и, ткнув в грудь стволом АКСУ, рывкнул:

– Лежать, скоты! Руки за голову!

Николай Радченко мгновенно бросился на землю, уткнулся лицом в сырую траву и тут же почувствовал, как кто-то с силой, по-хозяйски наступил ему на затылок.

– Кому сказано – руки за голову!

Послышался глухой удар, а затем прозвучал умоляющий вопль Хорька:

– Вы чего, мужики? За что?! Так и ребра поломать можно!

– Молчать, мразь!

Послышался новый удар, Хорек охнул и умолк.

– Обыскать.

Николай попытался приподняться, но сильный пинок в бок заставил его еще плотнее прижаться к земле. Чья-то сильная рука нахально выворачивала его карманы, просыпая мелочь. Звякнула связка ключей.

– Ничего не нашел, командир. Героинчику им подбросить? Я на всякий случай прихватил.

– Не надо. У них и без того по хорошему сроку выйдет. Вставай!

Колян продолжал лежать, решив, что приказ относится к Хорьку, но в следующую секунду его ухватили за волосы, и он увидел над собой широкое волевое лицо.

– Ты что, хмырь, в мертвяки со мной решил поиграть?! Кому сказано – вставай!

И омоновец вновь с силой дернул Радченко за волосы.

Николай поднялся, ожидая удара, но его не последовало. В двух шагах от него, держась за лицо, стоял Хорек. Скула у него была разбита, из носа, просачиваясь сквозь пальцы, текла кровь. Омоновцев было шестеро, все с автоматами, в серой камуфляжной форме. Их лица не оставляли сомнений в том, что при попытке бегства или сопротивления они, не колеблясь, пустят оружие в ход.

– Подойди сюда, детка, – произнес начальник, тот, что поднял Коляна с земли за волосы. Это был настоящий гигант – саженого роста, широкогрудый, с мощными руками молотобойца. – Нет ли среди этих двоих того, кто тебя обижал?

Только тут Николай увидел, что в стороне стоит женщина. Это была подруга Селезня. Теперь она была в брюках, на плечах длинная темная шаль.

– Тот, что повыше, – глухо произнесла девушка.

Один из стоящих рядом омоновцев мгновенно развернул автомат и прикладом ударил Коляна под дых. Радченко коротко охнул, пытаясь глотнуть воздуха, но следующий удар в лицо свалил его на землю.

– Отставить! – рывкнул рассерженно старший. – Что о нас девушка может подумать? Хоть они и подонки, но мы обязаны соблюдать законность. Отвести их в отделение, составить протокол задержания, снять показания. Можно считать, что преступление раскрыто по горячим следам. Не забудьте браслеты на них нацепить, а то неизвестно, чего еще от этих ублюдков ожидать можно. Возьмут да брыкаться начнут. А ты вставай, падаль, разлежся, как на курорте!

Николай с трудом поднялся и тут же почувствовал на запястьях прохладу металла – браслеты защелкнулись, превратив его в обыкновенного арестанта.

– Пошел!

Радченко шагнул на тропу следом за плечистым омоновцем, и тут же упругая ветка больно хлестнула его по щеке.

* * *

Обстановка в кабинете следователя была крайне убогой – засаленные обои, стандартная мебель с инвентарными бляшками, чернильные пятна на зеленой обивке столешницы... Однако ничего этого Николай не видел – мощный свет настольной лампы бил в глаза, позволяя различить только очертания головы следователя.

– Знаешь, какой срок тебе светит? – рычал следователь. – Слышал, как с такими козлами на зоне поступают?! Да я сейчас тебя к ворам в камеру запихну, и ты уже через час на парашу кишками ходить станешь!

– Я работаю на госбезопасность и нахожусь при исполнении задания. Прошу дать мне возможность позвонить вот по этому телефону... – Николай положил на стол перед следователем клочок бумаги, на котором было написано несколько цифр.

– Что ты тут мне вкручиваешь, падаль?! При чем здесь госбезопасность? Какое у тебя задание – баб насиловать?

– Прошу вас дать мне возможность позвонить по этому телефону, – повторил Николай. – Вся ответственность за срыв намеченной операции ляжет лично на вас.

За пятнадцать лет работы следователь повидал в своем кабинете убийц, насильников, воров и наслушался от них таких баек, из которых можно было бы составить «Уголовную энциклопедию курьезов». Однако сейчас интуиция подсказывала следователю, что сказанное задержанным отнюдь не розыгрыш. Осторожность, выработанная долгой службой, убеждала не рубить с плеча.

– Ладно, звони... Но если сбрежал, то тебе в первую же ночь целку сломают! – И капитан пододвинул телефон задержанному.

Николай Радченко выглядел невозмутимым, только губы слегка скривились: дескать, что же ты мелешь, капитан, я же при исполнении, а ты меня срамными словами поносишь!

Задержанный уверенно закрутил диск, а когда на другом конце ему ответили, заговорил в трубку:

– Товарищ майор, я делаю все строго по легенде, а тут один следователь пытается сорвать все наше дело... Да, сижу в его кабинете. Нет, не били, то есть били, но не сильно... Так что выручайте, товарищ майор.. Жду!

И Колян аккуратно положил трубку на рычаг.

– Ну, ты и фрукт, – процедил следователь сквозь зубы, твердо решив не отдавать задержанного.

Радченко издевательски ухмыльнулся:

– Что подделаешь, капитан, служба у нас такая. Всякое делать приходится. Так что свой петушатник ты для других побереги!

Майор явился очень скоро, минут через пятнадцать. Николай не сразу узнал его в гражданской одежде – модный светло-коричневый костюм сильно молодил майора и придавал ему сходство с бизнесменом средней руки.

– Майор Громовский, – коротко представился вошедший и, достав из кармана алую книжечку, раскрыл ее перед глазами капитана. Держал он ее достаточно долго, чтобы следователь успел прочитать фамилию и звание, после чего вежливо поинтересовался: – Убедил? – Следователь что-то неразборчиво буркнул в ответ. – А теперь я хочу забрать этого парня с собой. Он поступает в мое распоряжение. Надеюсь, вы слышали о нашем отделе?

– Приходилось, – в голосе капитана прозвучали нотки брезгливости. – Но этот человек совершил преступление и уйдет отсюда только в наручниках: В камеру!

– Не надо так нервничать, капитан. Я вас прекрасно понимаю, вы уже составили протокол задержания, но при желании его можно изъять.

– Я не собираюсь ничего изымать. Этот ублюдок изнасиловал женщину, и он ответит за это! И, ради Бога, не надо мне внушать, что этого требовали интересы государства.

– Вы знаете мою фамилию, должность, звание. Знаете даже отдел, в котором я работаю. Этого вполне достаточно, чтобы понять: со своей принципиальностью вы можете влипнуть в очень скверное дело. Вас не сумеет вытащить даже самое высокое начальство. Или вы думаете, что мы не ведем досье на таких, как вы? Покопайтесь немного в своем прошлом, неужели в нем не отыщется никаких грешков, за которые можно не только лишиться погон, но и провести большой отрезок жизни за колючей проволокой? Так вот, я вам клятвенно обещаю, даю слово офицера, что если вы мне сейчас не отдадите моего подопечного, то я вам испорчу жизнь. Ну, что вы решили?

– Забирайте вашего сексота, – не скрывая неприязни, ответил капитан. – Но я буду вынужден сообщить об этом инциденте вашему начальству.

– Разумеется.

И, повернувшись к Николаю, майор бодро сказал.

– Ну, с возвращением тебя, блудный сын!

По длинному, пустынному в поздний час коридору они шагали молча. Только когда вышли на улицу, майор злобно прошипел в лицо Николаю:

– Ты что же это, сучонок, делаешь?! Подставить меня хочешь? Не успел тебя отпустить, как ты баб принялся сношать. Сначала грохнул Селезня, а потом решил поиметь и его подружку? А может, ты и работать на меня не желаешь?

– Не надо на меня орать, майор, я от своих слов не отказываюсь. Только и ты меня пойми: столько времени без бабы – вот контроль над собой и потерял. А потом, я хотел проверить, настолько ли могущественна твоя организация, как ты говоришь.

Неожиданно для себя Николай стал называть своего покровителя на «ты».

Майор Громовский остановился, выдержал паузу и спокойно спросил:

– Теперь убедился?

– Вполне.

– Иди к машине. Куда тебя отвезти, чтобы ты за эту ночь еще одну статью не получил?

– Майор, – затопал Николай следом, – у меня просьба есть...

– Что тебе еще взбрело в голову? Еще одну бабу хочешь трахнуть?

– Со мной был парень, Александр Хорьков. Его тоже нужно вытащить, он здесь ни при чем. К тому же он может пригодиться в нашем деле.

– Ты думаешь, что мы в свой отдел берем каждого дебила?

Майор Громовский плюхнулся за руль новенькой «Волги».

– Он толковый парень, а лучшего исполнителя, чем он, вообще трудно найти. И если вы не сумеете его вытащить, то я не знаю, как буду работать у вас...

Луна выглянула из-за лохматой тучи, и холодный свет упал на лицо майора. Сейчас оно выглядело неживым. Однако «мертвец» неожиданно разлепил уста и смачно выругался:

– Ладно, хрен с тобой, попробую что-нибудь придумать. Но это твоя последняя просьба.

Николай распахнул дверцу и, пряча улыбку, опустился на переднее сиденье рядом с майором.

Глава 9 ВНЕДРЕНИЕ

Домой Николай зашел не сразу. Минут десять он всматривался в светящиеся окна, а когда убедился, что кроме Надьки в квартире находится кто-то еще, достал из кармана куртки пистолет и стал осторожно, крадучись, подниматься по лестнице.

Надька досталась ему не девочкой, и данный факт Колян считал одним из самых больших проколов в своей жизни. «Откупорил» ее в семнадцать лет Валька Мальцев – известный на всю округу хулиган и большой половой пират. Как признавалась позже Надька, между ними возникло чувство, которое позволило ей без всякого сожаления расстаться с целомудрием на влажной от росы лавочке в городском парке. Вторым у нее был курсант военного училища. Обещал жениться, подлец, но позабыл, едва надев офицерскую португую. Третьим у Надьки был сам Колян, а это уже статистика.

Николай частенько расспрашивал Надежду о ее прежних приятелях, и она с наивностью маленькой девочки отвечала ему на самые откровенные вопросы, не подозревая о том, какой пожар ревности невольно разжигает в его груди. Если бы он мог, то приставил бы к своей ненаглядной дюжину расторопных телохранителей и приказал бы им беспощадно избивать всякого, кто осмелится хоть на секунду задержать взгляд на его супруге. Весь последний год Колян провел как в бреду – учеба не шла, а вечерами, стоило только прикрыть глаза, как возбужденное сознание будоражили откровенные сцены, где желанная Надька оказывалась главным действующим лицом в роли разгоряченной вакханки.

И вот сейчас он осознал, что худшие опасения подтвердились – Надька была с воздыхателем. Следовало во что бы то ни стало положить конец ее карьере порнозвезды.

Николай остановился у двери, прислушался, снял пистолет с предохранителя и спрятал руку с оружием за спину. Волнения не было, и он почти с улыбкой подумал о том, что события последних дней здорово закалили его нервы. Было бы неплохо застать любовничков врасплох, благо у него имеется ключ. Проклятье! Предусмотрительная женушка набросила на дверь цепочку.

Николай надавил пальцем на кнопку звонка. Раздалась привычная мелодия. Некоторое время в квартире было тихо. Николай хотел позвонить еще раз, но в коридоре послышались шаркающие шаги, а потом раздался недовольный голос жены:

- Кто там?
- Открывай, это я.
- Кто это – «я»? – На сей раз голос прозвучал откровенно недружелюбно.
- Муж твой!
- Господи!.. Ты же должен быть в училище.

Николай услышал, как брякнула цепочка. Щелкнул один замок, другой, и в следующую секунду дверь распахнулась.

Николай увидел счастливое лицо жены, и только ее сияющая улыбка удержала его от того, чтобы не выстрелить ей в лицо.

– Ты одна? – как можно спокойнее поинтересовался Николай.

– Нет, ко мне пришел брат, Степан. А то мама беспокоится, я давно у них не была. Но почему ты здесь? Ты же должен прийти в субботу.

Николай перешагнул порог, дружелюбно пожал руку вышедшему навстречу Степану и с облегчением подумал о том, что сумел уберечься от самой большой ошибки в своей жизни.

– Я больше не учусь в училище. Мне предложили работу, – произнес Николай.

Только присутствие Степана удерживало его от того, чтобы не накинуться на свою верную женушку и не утолить свербившую похоть.

– Вот как, – пожала плечами Надежда и замолчала.

– Извините меня, я пойду, – направился к двери Степан. – Вам еще нужно о многом поговорить.

Попрощавшись, он вышел. Николай с трудом дождался, когда за Степаном закроется дверь. Ожидание напоминало пытку. Надежда приняла душ, постелила на кровать свежее белье и, наконец, раскинулась поверх широкого одеяла. Николай, не сдерживая сладострастного стога, опустился прямо на ее мягкое тело.

– Боже мой, Надежда, ты даже не представляешь, каким я был дураком!

* * *

– Молодой человек, вы спрашиваете, что нам нужно? Я вам откровенно отвечаю: деньги! Любая партия без денег умирает. Никакие лозунги здесь не помогут. Если прекратится финансовая подпитка, то мы тут же задышим на ладан.

За массивным дубовым столом напротив Николая сидел мужчина средних лет с красивой сединой в смоляной шевелюре.

– А если бы я передал вашей партии немного денег? Ну, скажем, на первый случай пятьдесят тысяч долларов. Как бы вы отнеслись к этому?

– Молодой человек...

– Можно просто Николай.

– Николай, да вы для нас стали бы просто национальным героем! Вы что, Рокфеллер?

– Совсем нет, – пожал плечами Колян, – просто я располагаю некоторыми возможностями. Скажу вам откровенно: зачем мне тратить эти деньги на баб или, скажем, покупать еще одну машину? Не лучше ли отдать их хорошим людям, которые сумеют грамотно ими распорядиться?

Павел Несторович Гордеев сделался необыкновенно серьезным. Было очевидно, что перед ним сидит романтик от политики, число которых в ходе так называемых рыночных реформ заметно поубавилось. Возможно, этот парень – некий доисторический реликт вроде Саввы Морозова, и тогда с ним нужно обращаться очень бережно. Не исключено, что этот молодой богач просто не в своем уме. Однако лидеру партии «Новая Россия» подобные экземпляры встречались, поэтому он не выказал удивления.

– Вы правильно поступаете, Николай. Я вижу, что вы человек с большими возможностями и очень честный. Признаюсь откровенно, что наша партия во имя грядущих перемен готова брать деньги даже у гангстеров. Если Ленин не гнушался деньгами, экспропрированными у капиталистов, так почему нам отказываться от помощи доброжелателей? Так что поддержку мы примем в любом виде.

Павел Несторович был породист, как племенной жеребец. Чувствовалось, что он способен гарцевать не только на региональном уровне, но и запросто сумеет взять призовые места и в масштабе России. Для этого у него имелись все данные: честолюбие, воля и прекрасный экстерьер.

– Мне хотелось бы и в дальнейшем помогать вашей партии. А сейчас прошу прощения – мне нужно идти, – поднялся со стула Николай.

– Всегда будем рады, – любезно улыбнулся Павел Несторович и протянул гостю широкую ладонь. – И обязательно вступайте в нашу партию, Николай, вы не пожалеете.

– Непременно вступлю, но сначала мне хотелось бы все-таки сделать в фонд партии небольшой вклад.

– Очень по-мужски, Николай. Рад был познакомиться. Ждем вас.

Глава 10 РАБОТАЙ ДЕРЗКО

– Значит, ты предлагаешь грабануть пару киосков, а потом эти деньги отдать Гордееву? – вопросительно посмотрел майор Громовский на Николая.

– Именно так. Можно будет даже записать номера этих купюр, чтобы потом не составило большого труда показать, на какие цели пошли ворованные денежки. На этом можно будет построить четкий вывод: он крепко связан с криминалитетом и его подпитывают преступные группировки.

Глаза майора вспыхнули недобрый огнем. Он раздавил ботинком окурок и объявил:

– Башка у тебя варит. Сидит в тебе какая-то авантюрная жилка. Насчет грабежа ты хорошо придумал. Если подобное получится, то наш Павел Несторович в жизни не отмоется. Только двумя киосками не обойтись, его нужно прикормить, как следует. Создай небольшую группу людей, объяви себя «крышей», возьми под опеку несколько магазинов и качай деньжата для нашего кормчего Павла Несторовича Гордеева.

Майор Громовский предпочитал встречаться с агентами в квартирах на окраине города, в новых жилых домах. Преимущество таких явок заключалось в том, что жильцы не знали всех своих соседей и каждого вошедшего встречали без заинтересованности, присущей старожилам. Служебные явочные квартиры майор успешно использовал и в личных целях – в них можно было попить с приятелями пивка и мило провести вечер в обществе прекрасной дамы.

Николай отрицательно покачал головой:

– Это очень сложно. Все районы уже поделены и, если я попытаюсь вклиниться, могут произойти большие разборки.

– Что конкретно тебя пугает? Милиция? – сердито спросил Громовский. – Так можешь не переживать, я тебя прикрою. Наша задача сейчас заключается в том, чтобы свалить Гордеева. А одной акции будет недостаточно. Нужно опорочить его так, чтобы от него отшатнулись не только избиратели, но даже ближайшие соратники. Ты волевой, сильный. Собери подходящую группу и заяви о себе. Для меня важно, чтобы ты и себя скомпрометировал и тем самым заляпал Гордеева, а я со своей стороны сделаю все возможное, чтобы вытащить тебя из любой передряги. Кстати, кто в твоём районе управляет?

– Назар! – Николай поймал себя на том, что в его голосе прозвучали уважительные нотки.

– Так вот, в первую очередь советую начать с него, и пускай все почувствуют, что в районе появилась новая власть. Работать ты должен активно, дерзко, методом устрашения. Пусть поймут, что конфликтовать с тобой себе дороже. Впрочем, ты парень толковый, сам домыслишь все, чего я не сказал.

Громовский поднялся. Через полчаса должен был появиться еще один «оперативный источник» – официантка престижного ресторана, в котором частенько собиралась местная братва. Молодая женщина добросовестно рассказывала обо всем, что слышала на работе, и майор был уверен, что посвящен во многие замыслы уголовников. Пикантность ситуации заключалась в том, что Громовский со своей подшефной вел не только деловые разговоры, но часто их беседа продолжалась на широкой тахте. Муженек официантки, белокурый красавец двадцати пяти лет, один из городских авторитетов, даже не подозревал о том, что таким образом породнился с одним из самых влиятельных силовиков города.

– Жду тебя через неделю в это же время. Смотри не опаздывай. Я не люблю долго ждать.

– Договорились, – сказал Николай и направился к двери.

Что-то здесь было не так, уж слишком откровенно майор его выпроводил. Выйдя на улицу, Колян сел неподалеку от дома, на лавочке в кустах боярышника. Отсюда он мог видеть каждого, кто входил в подъезд.

О том, что майор Громовский поджидал именно эту блондинку, Николай догадался не сразу. Лицо у нее было серьезное, как и положено секретному сотруднику, и в то же время в глазах прятался плутоватый огонек, по которому можно было догадаться, что женщина спешит на любовное свидание. На губах ее блуждала сладкая улыбка – должно быть, она уже видела себя в крепких объятиях майора. Николай шмыгнул за ней в подъезд. Женщина остановилась на том этаже, с которого несколько минут назад спустился он сам. Щелкнул замок, Николай услышал приглушенный приветственный возглас майора Громовского и на цыпочках, стараясь не шуметь, спустился вниз.

Глава 11 ИЗВИНИ, КРОШКА, ДЕЛА!

Хорек допивал третью бутылку «Баварского», но избыток чувств продолжал распирает его.

– Ну, никак не думал, что менты могут так себя вести... Они меня все спрашивают: «Как вы себя чувствуете, Александр Федорович? Есть ли у вас какие-нибудь замечания, жалобы? Тактично ли с вами обходились?» Я на все киваю башкой и говорю, что все в порядке, а сам думаю, как бы скорее отсюда смотаться. А то вдруг раздумают, сделают мне «ласточку» да бросят куда-нибудь в сортир на обоссанный пол. А когда вышел, дал такого деру! Думаю, больше вы меня здесь не увидите. Колян, ты не знаешь, что это вдруг сделалось с ментами? Уж не объявили ли они месячник вежливости?

Николай неопределенно пожал плечами и отпил пива из горлышка.

– Просто поняли, что ты во всей этой истории ни при чем, вот и распрощались с тобой.

– Твоя Надька-то спит? Не мешаем мы ей разговорами? – предупредительно поинтересовался Хорек, еще плотнее прикрывая дверь в комнату.

– Все в порядке. Уложила дочку и сама сейчас спать ляжет. Кстати, Хорек, я хотел тебя спросить, что ты думаешь о Назаре?

– А чего о нем думать? Он авторитет! У него дела, а у нас так, делишки...

– А тебе не кажется, что он деньгу за просто так получает?

Хорек испуганно посмотрел на приятеля:

– О чем ты, Колян?

– А о том, что нужно сколотить свою бригаду и выкинуть его из нашего района.

Хорек поперхнулся, и пиво тоненькими струйками потекло по его подбородку. Лицо его при этом сморщилось, как будто он хлебнул уксуса.

– Да ты что, Колян, это же Назар! Его же все знают!

Николай отодрал от спинки воблы мясистый лоскуток, пожевал его и спокойно ответил:

– Это не страшно. Когда мы на него наедем, нас тоже будут знать.

– Он же всю жизнь просидел в тюрьме! Хрен его знает, что у него там в башке прячется! Если мы на него наедем, то уже на следующий день нам всадят по пуле в затылок.

Колян отодрал еще кусочек спинки, стряхнул чешую, прилипшую к губам, и неожиданно поддакнул:

– А ведь ты прав!

– Ну я же тебе говорю, что надо поостеречься, – в голосе Хорька звучало облегчение. Он давно знал Коляна, в характере которого было втравливать друзей в разные скверные истории.

– Пойдем, – поднялся Колян. – Я понял, что нужно начать с Назара, чтобы заткнуть глотку всем остальным.

– Колян, не горячись. Не стоит спешить, нужно все как следует обдумать, – заговорил Хорек, поднимаясь вслед за приятелем, хотя прекрасно сознавал, что не сможет заставить Коляна отказаться от задуманного. – А потом, его наверняка нет сейчас дома. Сидит в баре с какой-нибудь телкой и пудрит ей мозги.

– В баре, говоришь? – хмыкнул Николай. – Что ж, пойдем в бар. Надь, – окликнул он жену, – закрой за нами!

На улице было прохладно. Хорек вздрогнул. Возможно, виной тому был холодный вечер, а возможно, все дело было в решении, которое Николай успел принять. Хорек плелся следом и негромко поскуливал:

– Что ты задумал, Колян? Куда мы?

– Так где, ты говоришь, он может быть? – неожиданно развернулся Николай.

– В «Фиалке», – растерянно отвечал Хорек. – Там он встречается каждый вечер со своими бойцами. Туда ему приносят бабки после восьми.

– А ты откуда знаешь?

– Так, сказали, – неопределенно пожал плечами Хорек.

– Идем туда!

Хорек послушно затопал следом.

– Колян, нас прибьют, едва мы разинем рот.

– Посмотрим.

Возле «Фиалки» стоял шестисотый «Мерседес», красивая игрушка Назара. Хорек знал, что машину Назар никогда не закрывал. Обыватели старались держаться подальше от дорогого автомобиля, а шпана, прекрасно осведомленная, кому принадлежит «мерс», не осмеливалась на него покушаться.

– Он здесь, – сказал Хорек. – Вот его машина. Обычно здесь еще стоит джип с охранниками, но сейчас их почему-то нет.

– Тем хуже для Назара, – нехорошо усмехнулся Колян и распахнул дверь бара.

Назар сидел в самом углу зала с красивой блондинкой. На столе возвышалась бутылка шампанского и лежала коробка шоколадных конфет, огромные хрустальные бокалы были наполнены вином до половины. Назар что-то весело говорил и совсем не производил впечатления громилы районного масштаба – обыкновенный дядька средних лет, заскочивший в престижный бар, чтобы поднять бабенку.

Николай уверенным шагом пересек зал и остановился у стола, за которым сидел Назар с девицей.

– Ты Назар? – спросил он.

– Меня зовут не Назар, молодой человек, а Игнат Васильевич Назаров.

Колян встретил спокойный, уверенный взгляд сильного человека, знающего себе цену.

– У меня к тебе есть предложение. Давай отойдем в сторонку.

Назар мельком взглянул на соседний столик. Возможно, он пожалел, что именно в этот день отпустил охрану. Наглец ему явно не нравился.

– Что за дело?

– Я не могу говорить при посторонних, – показал Колян взглядом на девицу.

– Она не мешает. Ты ведь нас не заложишь конторе, киска? Нет? Вот и отлично.

Говори.

– Я слышал, что ты разыскиваешь парней, которые грабанули твой киоск и вставили хряща подруге.

– Верно, – в голосе Назара послышался интерес. – Ты что, их знаешь?

– Да, знаю. Но информация стоит денег.

– Сколько ты хочешь за свои услуги?

Колян сделал задумчивое лицо, после чего твердо произнес:

– Пять тысяч баксов! Ну, так как, согласен?

– Извини, крошка, дела, – виновато улыбнулся блондинке Назар, поднимаясь со стула. –

Пей пока шампанское в одиночестве, я вернусь через пару минут.

– Я могу даже тебе одного из них показать, – сказал Колян и направился к выходу, увлекая за собой Назара.

– И где же он? – спросил Назар, когда они вышли на улицу.

– А вот он, рядом с тобой стоит, – ткнул пальцем Николай в стоявшего рядом Хорька. –

Извини, Саня, я Назару все про тебя рассказал. Нужно платить по счетам.

– Вот этот заморыш? – недоверчиво посмотрел Назар на Хорька.

– Он самый.

– И как же это произошло? – Назар с интересом изучал парня. Он выглядел тщедушным и совершенно неспособным кого-то ограбить, а уж тем более изнасиловать.

– Он приставил девушке к горлу нож и сказал, чтобы она отдала ему выручку... А потом приказал, чтобы она сняла трусы, и вздрючил ее прямо на столе, – безмятежно объяснил Николай.

Хорек непонимающе хлопал ресницами. Он впервые так близко видел грозного Назара и от волнения потерял дар речи. А когда до него, наконец, дошел смысл сказанного, глаза его округлились от страха и он заорал:

– Колян, да ты чего мелешь, в натуре? Чего мелешь?! Да разве так все было?!

– А потом велел ей открыть рот и кончил туда. Веселенькая получилась шутка. Хорек задыхался от страха.

– Колян... Да ты что?.. Да я...

– Кажется, я тебя знаю, – ткнул пальцем Назар в грудь Хорьку. – Ты живешь на Ямской. Я не сторонник насилия, я не собираюсь закапывать тебя по горло в землю, подвешивать за ноги и бить железными прутьями по пяткам, но если это действительно сделал ты, то советую тебе завтра в это же время принести в «Фиалку» десять тысяч баксов. Если удержишься хотя бы на час, то за опоздание штраф еще пять тысяч. Усек?

– Послушай, Назар...

Лицо авторитета перекосила откровенная злоба.

– Меня не интересует, где ты достанешь эти деньги. Можешь продать квартиру, подругу, мать, отца, но деньги должны быть у меня завтра! Если их не будет, можешь подыскивать себе место на кладбище.

– Назар!

– Не Назар, а Игнат Васильевич. А теперь хилий отсюда, пока тебе по башке не наступали.

Назар сунул руку во внутренний карман, достал толстую пачку долларов, отсчитал пять тысяч и протянул их Коляну.

– Забирай! Я тебя тоже не хочу здесь больше видеть. Ты меня понял?

– Вполне, – кивнул Николай, беря деньги.

– А теперь я пошел, меня ждут.

– Игнат Васильевич! – Окрик Коляна заставил Назара обернуться у самого входа в «Фиалку». – Я тебе хотел предложить сотрудничество... – Колян неторопливо приблизился к смотрящему района. – Впрочем, нет, мне бы хотелось, чтобы все магазины, палатки, мастерские автосервиса и прочие дела, которым ты дал «крышу», перешли ко мне.

– Молодец, шутить умеешь. – Губы Назара расползлись в добродушной ухмылке. Он умел ценить юмор.

– Нет, Игнат Васильевич, я говорю вполне серьезно.

Неожиданно Николай сделал короткий выпад рукой и спокойно заметил:

– Я знал, что ты по достоинству оценишь мое предложение.

Назар вздрогнул, потом стал медленно сползать спиной по дверному косяку на выложенное плиткой крыльцо «Фиалки».

У входа в бар по-прежнему никого не было, только где-то на противоположной стороне улицы нестройные пьяные голоса фальшиво тянули разудалую песню.

– Пойдем отсюда, – сказал Колян, сунув блестящий металлический предмет в карман брюк.

– Ты его зарезал? Ты его зарезал, – испуганно шептал Хорек, оглядываясь на неподвижно лежавшее тело.

– Послушай, грызун мелкий, если ты сейчас не заткнешься, то я тебя отправлю вслед за ним!

Они уже отошли на значительное расстояние, когда за спиной раздался пронзительный женский визг.

Глава 12 ОРГАНИЗАЦИЯ

Назара похоронили по всем правилам, с пышностью, на которую могли претендовать только первые лица города.

Предварительное расследование не дало ровным счетом ничего. Свидетельница – девица, которую Назар оставил в баре, – ничего определенного сказать не могла. Она не запомнила никаких особых примет, а то, что преступник был высокий и светловолосый, следствию мало что давало. Любому оперу было понятно, что подобные убийства либо раскрываются по горячим следам, либо, как правило, превращаются в так называемые «висяки».

Оставалось огромное наследство Назара, на которое претендовало несколько авторитетов, но пока никто не знал, кто именно займет кресло смотрящего района. Подобная заминка беспокоила оперативников – неопределенность в столь важном деле могла вызвать очередную волну разборок. Лучше всего иметь дело со старой, проверенной клиентурой, потому что едва ли не на каждого авторитета имеется досье со всеми подробностями биографии. Хуже всего, когда лидером становится новичок. Обычно такие выскочки действуют предельно жестоко, чтобы в кратчайший срок завоевать как можно больший вес.

Колян свернул с проспекта на узенькую тенистую улочку. В лабиринте двухэтажных домов жил его старинный приятель Федька Угрюмов, или просто Угрюмый. Они знали друг друга с детства, некогда занимались в одной спортивной секции, а повзрослев, частенько обрабатывали приемы на одиноких прохожих в глухих переулках города.

– А он дома? – поинтересовался Хорек.

– Да. Мы с ним созванивались, но, сам понимаешь, не рассказывать же ему о наших планах по телефону.

– Верно.

Хорек ловил себя на том, что после случившегося в кафе не смеет смотреть в лицо Коляну. Так более слабый самец опасается встретиться взглядом с вожаком стаи, чтобы не навлечь на себя его гнев. Хорек испытывал перед Коляном почти животный страх, и, если бы тот приказал ему удавиться, Хорек вряд ли посмел бы возразить. За прошедшие три дня Колян успел переговорить с двумя десятками парней. Большинство из них он знал с детства – с одними жил рядом, с другими занимался в секции, с третьими учился в одной школе. Ему никого не пришлось уговаривать – достаточно было обрисовать в общих чертах ближайшие перспективы: дорогие машины, красивые девочки, куча денег. У парней, уставших от безработицы и безденежья, алчным блеском загорались глаза.

Однако предстоящий разговор обещал быть более серьезным. Конечно, на Угрюмом свет клином не сошелся – пройдет немного времени, и закалится даже самый невинный из избранных, – но присутствие Феде добавило бы организации прочности и солидности. Угрюмый не входил ни в одну районную группировку, но это обстоятельство не уменьшало его авторитета. Благодаря независимости Угрюмого группировки частенько привлекали его на роль третьей стороны.

Федя Угрюмов жил в одном из уродливых домов послевоенной постройки, образовавших маленький темный дворик. Создавалось впечатление, что даже утром здесь не бывает света.

Из подъезда вышел здоровенный парень с добродушной улыбкой.

– Из окна тебя увидел, – протянул он руку сначала Колину, а потом Хорьку.

– Может, в хату пойдём?

– А кто у тебя?

– Да баба моя и матушка.

– Не стоит женщин беспокоить. У них ведь всякий вечерний гость вызывает тревогу. Давай лучше переговорим здесь.

– Давай. Я слышал, Колян, что ты банду собираешь, – бесхитростно заулыбался Угрюмый. Он был прямой противоположностью своему прозвищу и никогда не упускал возможности позубоскалить.

– Откуда тебе это известно? – насторожился Колян.

– Ведь не на острове живу. Молва ходит.

– Только я тебе хочу сказать, что собираю я не банду, а ор-га-ни-за-цию, – веско сказал Колян. – Это у других банды!

Угрюмый опять заулыбался:

– Ну-ну, у врагов всегда шпионы, а у нас только разведчики.

– Я не собираюсь ничего скрывать, – продолжал Колян. – После Назара осталось большое наследство. Будет очень обидно, если оно отойдет в чужие руки. Сам ведь знаешь, он ворочал большими деньгами, и если ко всему этому делу подойти с умом, то уже через месяц каждый из нас будет иметь по новой тачке. Еще через месяц мы переберемся в новые хаты. Я уж не говорю о бабах, этих раком до Москвы не переставишь! Я здесь поговорил кое с кем из ребят, так они согласны. Подбирается очень приличная компания, и мы бы очень хотели, чтобы ты был с нами.

– Ты же знаешь, что я не участвую в таких тусовках.

– Неужели ты откажешься от таких больших бабок? Большие деньги – большие возможности, Федя.

– Ну хорошо, какое место ты отводишь мне в своей организации?

– У тебя будут большие деньги. Это я тебе обещаю. А в мое слово ты должен верить.

– Верю, – кивнул Угрюмый. – Что дальше?

Федор прекрасно знал, что имел в виду Колян. Три года назад встал вопрос о включении Угрюмого в состав сборной России по кикбоксингу. Сложность состояла в том, что за такую «любезность» нужно было заплатить тренеру пятьдесят тысяч долларов, и Колян собирал деньги по всему городу. Федор Угрюмов в сборной закрепился и на чемпионате Европы занял первое место. У него не было никаких оснований не доверять Коляну.

– Итак, деньги у тебя будут крутые... Но ты будешь вторым... после меня!

Угрюмый задумался всерьез. Уже год как он оставил спорт, немного не дотянув до заслуженного мастера. Тренерская работа его не привлекала, и большую часть времени он проводил дома, почитывая детективы. Деньги, накопленные на коммерческих соревнованиях, уходили, и он стал подумывать о том, не пойти ли в профессионалы.

– Сколько я буду иметь?

– Сам подумай... Если мы обеспечим «крышу» всем фирмам, которые находятся в нашей районе, то это составит десятки тысяч долларов в неделю! Ты можешь себе представить, сколько мы будем иметь через месяц, через год! На твою долю придется для начала около пяти тысяч долларов в месяц. Ну как, устраивает?

Что такое профессиональный спорт? Поломанный нос, перебитые конечности, отбитые почки. «Капусту» можно загребать и более приятным способом.

– Договорились.

– Только вот что я хотел тебе сказать, Угрюмый. Я вижу, что ты гора мускулов, и понимаю, что ты великий спортсмен, но решающее слово всегда должно оставаться за мной. Согласен?

– По рукам! – И Угрюмый протянул Коляну широкую ладонь. – Кстати, ты не знаешь, кто пришел Назара? А то в городе разное болтают...

Колян пожал протянутую руку и сдержанно произнес:

– Понятия не имею. А что?

Глава 13

МЕТОДЫ УСТРАШЕНИЯ

– Во-первых, хочу вам сказать следующее: мои приказы не обсуждаются, и исполнять их вы должны так же свято, как заповеди самого господа Бога. Если я велел подвесить неугодного за яйца, значит, вы должны выполнить распоряжение в точности. Если я велел отрезать бунтовщику уши, значит, так тому и быть, – Колян обвел присутствующих тяжелым взглядом и не увидел ни одного улыбающегося лица. Пехота уже не раз убеждалась в решительности своего бригадира и безоговорочно принимала его лидерство. – Если я приказал кого-то грохнуть, значит, вы должны не мешкая принести мне его голову. Ясно я выражаюсь? – остановил Колян свой взгляд на Хорьке.

Хорьку захотелось спрятаться, но, сделав над собой усилие, он собрал остатки воли и, уверенно выдержав взгляд атамана, бодро ответил:

– Вполне.

Для разговора с братвой Колян выбрал лесопосадку за городом. Два десятилетия этот участок называли не иначе как «Сквер любви». Именно здесь едва ли не вся мужская половина небольшого сибирского города получала первые уроки секса. Однако впоследствии подобные «подвиги» не помешали большинству сделаться серьезными отцами семейств. Проезжая мимо густых насаждений, они с ностальгической грустью вспоминали плейбойскую юность. Теперь несколько парней из компании Коляна зарабатывали тем, что взяли под контроль зеленую зону. Прежде чем уединиться в кустах с подругой, полагалось внести установленную таксу.

В сотне метров от сборища виднелась целующаяся парочка, позабывшая заплатить налог. Но никто из парней, помня о дисциплине, не спешил штрафовать грешников за провинность.

– Ну как, все ясно? – серьезно спросил Колян. За все время разговора он улыбнулся лишь однажды, когда Хорек рассказал о том, какими глазами на него смотрел Червовый (правая рука Назара), когда Хорек объявил, что кафе, на которое Червовый рассчитывал после кончины босса, переходит в собственность новой организации. – Мы должны обложить данью все точки в районе: киоски, ларьки, кооперативы.

– А если они вздумают брыкаться? – подал голос Угрюмый. – Ведь за ними уже может кто-то стоять.

– Нас это не должно колыхать. Хозяину сначала сделаем внушение. Если не поможет, отвозим его в лес и беседуем с ним до тех пор, пока не поумнеет.

Колян сидел на широком пне, в двух метрах от него на поваленной сосне устроилось девять человек – командиры пятерок. Они слушали Коляна с воодушевлением. Босс говорил очень убедительно, и подчиненным не терпелось приступить к сбору дани.

– Есть небольшая проблема, – негромко подал голос Захар Стручков.

– В чем дело?

Колян посмотрел на Стручка. Захар не однажды испытывал на себе влияние магнетических глаз атамана. Стоило Коляну ненадолго задержать на нем свой взгляд, как того прошибал пот. Захар был уверен: нечто подобное испытывает каждый из его приятелей. Колян учился в специальной школе, и в организации всерьез решили, что именно там его научили подавлять волю других людей.

– Я об автосервисе.

– Ну?

– Хозяин не хочет платить деньги. Когда мы туда заявились получить должок, он позвал пятерых амбалов и сказал, что признавал только одного Назара, ему и платил. А остальные для него – мелкая шушера.

Колян улыбнулся второй раз, злобно улыбнулся. Хозяину автосервиса эта улыбка не сулила ничего хорошего.

– Так и сказал?

– Да.

– А он знал, от кого ты пришел?

– Разумеется.

– Не знаю, как вам, но мне это очень не нравится. Не люблю, когда меня не уважают. Это всегда связано с финансовыми потерями. Ты узнал, где он живет? – по-деловому поинтересовался Колян.

– Да, – отвечал Стручок, не решаясь опустить глаза. Он почувствовал, что его рубашка прилипла к спине, а пот залил шею.

– Он живет сейчас у подруги.

– Все ясно. Во сколько бывает дома?

– Обычно на работе не засиживается, там у него все отлажено. Где-то часов в восемь приходит.

– В общем, так... Каждый занимается своим делом, а ты, Стручок, со своей пятеркой будь у сквера, что рядом с вокзалом. Оттуда покатым к нему на хату. Ты все понял?

– Естественно, – произнес Захар как можно бодрее.

– Все, расходимся. Встретимся завтра.

* * *

Захар Стручков нервничал всерьез. Еще за два часа до назначенного времени он чувствовал нечто похожее на лихорадку – его то бросало в дрожь, и он покрывался холодным потом, а то вдруг начинал задыхаться от жара. Он решил было сказатьсь больным, но тут же отбросил эту идею: внезапная болезнь запросто могла сойти за трусость, а непослушных Колян наказывал строго. Стараясь успокоиться, Захар выкурил несколько сигарет подряд, хотя Николай и не поощрял в своей организации спиртного и курева и старался навязать бойцам культ здорового образа жизни. Сам атаман трижды в неделю тренировался в спортзалах – отрабатывал удары на манекенах. Если кто-то из бойцов уклонялся от спортивных занятий, это мгновенно сказывалось на денежном довольствии. Однако от курева мандраж только усилился. Захар руководил звеном из пяти человек – обыкновенная пехота, у которой на уме только «капуста» да бабы. Парни готовы были за тысячу баксов прирезать даже родного папу. Им жилось легко – известно, что отсутствие мозгов облегчает жизнь. А если бы они хоть однажды всерьез призадумались о своей судьбе, то от кошмарных мыслей у них на затылке вылезли бы волосы. Захар посмотрел на парней – беззаботные тупые физиономии. Сейчас он искренне завидовал их толстокожести.

Колян подъехал ровно в восемь, небрежно припарковав темно-синий «БМВ» у обочины дороги. Он вышел из машины в сопровождении Хорька и Угрюмого, шедших на шаг позади него. Захар предупредительно поспешил навстречу, издали протягивая руку. Колян сдержанно поздоровался с каждым из ребят Захара.

– Готов? – повернулся Колян к Захару.

Стручок почувствовал, как страх скользкой змейкой заполз ему за шиворот.

– К чему? – невольно брякнул он.

– Ты меня разочаровываешь, Стручок. Что значит – к чему? Такое впечатление, будто у тебя что-то с памятью. Хорек! – не оборачиваясь, позвал Колян.

– Я здесь, – услужливо откликнулся Хорек. – Дай ему дипломат.
Хорек передал Захару кейс, который оказался на удивление тяжелым.

Колян хмыкнул:

– Ты не хочешь спросить меня, что в нем?

– Что в нем, Коля?

– Обыкновенный топор. И знаешь, для чего?

Стручок похолодел от страшного предчувствия, но постарался спросить как можно спокойнее:

– Для чего?

– Это орудие убийства, мой друг, – просто ответил Колян. – И воспользуешься им ты. Знаешь почему?

– Почему же?

– Ты создал мне проблему. Вот давай ее самостоятельно и разрешай. Как говорится, нет человека – нет проблемы. Конечно, для этой цели мы могли бы выбрать и более... как это сказать... гуманное оружие. Но мы решили остановиться именно на топоре. Нас должны бояться! А рубленая рана всегда внушает страх. Так ты готов?

Захар уже не волновался – решение было принято. Он отдавал себе отчет в том, что если скажет «нет», то его «пятерка» по небрежному кивку Коляна распнет на скамье своего начальника.

– Да!

– Другого ответа я и не ожидал. Поехали.

Глава 14

ЗАЧЕМ НУЖНЫ ЗВЕРСТВА?

Громовский не стучал кулаками по столу, не бросал в лицо обидных слов, но достаточно было взглянуть на майора, чтобы понять – он взбешен до крайности.

– Зачем тебе понадобились все эти зверства?! – Майор сел на краешек стола и теперь смотрел на Коляна сверху вниз. – Неужели нельзя было разобраться как-то по-другому?! Весь город взбудоражен...

– Значит, по-другому было нельзя, – хладнокровно парировал Николай Радченко. – Мне нужно завоевать авторитет, нас должны уважать, с нами должны считаться.

Громовский перестал размахивать руками. Он вытащил из кармана пачку фотографий и рассыпал их на столе веером.

– Ты посмотри сюда! Каким нужно быть садистом, чтобы кромсать топором череп! Уж на что я навидался покойников, но при виде такой картины у меня аж задница испариной покрылась.

– Мы действовали так с целью устрашения. Он нам не подчинился и получил свое.

– Ну допускаю, что хозяина автосервиса ты грохнул, чтобы наказать, но какого дьявола ты искромсал его подругу? Она что, стояла между вами?

– Так получилось, – Колян испытал нечто вроде неловкости. Так же смущенно выглядит первоклассник, пойманный учителем за руку в тот самый момент, когда он дернул за косичку соседку по парте. – Бабу и в самом деле можно было не мочить. Погорячились. Но пехота как-то разошлась, а потом их этот коммерсант очень разозлил – пробовал сопротивляться, вот и сорвали злость на девчонке...

– И что, по-твоему, я тебе должен сказать? Мол, бывает так, что ли? Ты слишком шумно стал себя вести. Если твои дела пойдут и дальше таким образом, я не смогу прикрывать тебя.

У Коляна появилось большое желание смахнуть майора со стола, как надоевшую муху, но он нашел в себе силы виновато развести руками:

– Не гони волну, начальник, я прекрасно знаю, что тебя тревожит. Считай, что твой кормчий у тебя в кармане. У тебя будет дополнительный шанс припереть его тем, что это деньги не просто паленые, а залитые кровью!

Отношения обоих давно упростились, и Колян не без удовольствия называл своего бывшего начальника на «ты».

Громовский поднялся и внушительно погрозил пальцем.

– Пойми меня правильно, Глухарь, я веду досье не только на нашего знакомого, твоя личная папочка тоже пополняется кое-какими интересными бумажками. Тебя это не страшит? – неожиданно улыбнулся майор. – Если ты сейчас мочишь людей ради авторитета и собственного удовольствия, то когда-нибудь я попрошу тебя сделать то же самое по старой дружбе.

Только глупец мог принять волчий оскал майора за добродушную улыбку. Колян услышал у самого уха клацанье клыков.

– Как-нибудь договоримся.

– Прежде чем устроить в следующий раз вселенскую резню, позвони мне, чтобы я сумел смягчить предстоящий удар.

– Непременно.

* * *

Вождь партии «Новая Россия» встретил Николая Радченко по-дружески. Он хлопал его по плечу, говорил о том, что на подобных патриотах держится Россия, и дважды пообещал собственноручно написать Николаю рекомендацию в партию. Потом Гордеев как-то незаметно завел разговор о том, что для поддержания демократических идей требуются весьма солидные вливания, но тем не менее даже скромные пожертвования частных лиц значительно поддержат движение.

«Умело съехал», – усмехнулся про себя Николай. В правой руке он держал кожаную сумку, в которой лежало пятьдесят тысяч долларов. Еще накануне он переносил в ней оружие, но, даже расскажи он Гордееву об этом, тот не стал бы изводить себя угрызениями совести и спокойно спрятал бы зеленые бумажки в массивный сейф, стоявший в углу комнаты.

Николай помучил вождя еще несколько минут, а потом водрузил сумку на стол.

– Здесь небольшая сумма... пятьдесят тысяч долларов. Очень надеюсь, что эти деньги пригодятся нашему общему делу.

Николай как бы невзначай притронулся к верхней пуговице куртки. В нее был вмонтирован маленький микрофон. В ста метрах от дома в своей машине сидел майор Громовский и с кривой усмешкой записывал излияния Павла Несторовича. Майор был честолобив и очень тщеславен, ему не терпелось тряхнуть солидной «компрой» перед носом начальства – иного пути к получению очередного звания он не видел.

– Николай, вы даже не представляете, что сделали для нашей партии!

Просторный кабинет Павла Несторовича был сплошь увешан портретами борцов за демократию, и сейчас, как показалось Радченко, они взирали на гостя с особым умилением.

– Именно такими патриотами и будет возрождаться Россия. Так вы готовы вступить в нашу партию?

– Буду счастлив. У меня к вам имеется одна просьба, – слегка замялся Николай.

– Говорите, Николай. Я считаю вас своим другом, а потому готов выполнить любое ваше желание. Так чего вы хотите?

Павел Несторович слегка приподнял сумку и почувствовал приятную тяжесть. «Отец местной демократии» с радостью думал о том, что полученных денег вполне хватит на то, чтобы сменить мебель в коттедже, а вокруг дома установить камеры слежения.

– Я бы хотел – если вы не возражаете, конечно! – стать ближайшим вашим помощником.

– Похвально! А чем вы конкретно хотели бы заниматься?

В просторном кабинете Павла Несторовича Радченко чувствовал себя очень уверенно. Нечто подобное, видимо, испытывал Савва Морозов, когда поддерживал деньгами большевистскую партию.

– Поймите меня правильно, Павел Несторович, я бизнесмен. И мое призвание, – я бы даже сказал – высшее назначение, – всем, чем могу, поддерживать демократию в нашей стране. Но для свободы действий мне нужен официальный документ о том, что я являюсь помощником депутата Государственной Думы.

Такое удостоверение стоило пять тысяч долларов, и Гордеев, пользуясь статусом депутата, сумел набрать около ста помощников. Сумма в итоге набралась нехилая – пятьсот тысяч долларов. Он сумел поменять старую «Волгу» на дорогой джип, выстроил двухэтажный особняк. Сумма в пятьдесят тысяч значительно превосходила установленную таксу, и если бы Радченко пожелал, то Гордеев выписал бы ему с десяток удостоверений помощника депутата.

– Ну разумеется, дорогой вы мой! Через пару дней, после заполнения соответствующих бумаг, вы получите свое удостоверение.

Николая притягивала к себе личность Гордеева. «Депутат» имел внешность рубахи-парня – таких людей охотно принимают в любые компании. Они интересны в застолье, они хорошие собеседники, и если сколотился коллектив из трех человек, то им первым наливают в стакан водки. Женщины хотят иметь от них детей и безропотно отдаются, стоит таким мужчинам лишь моргнуть глазом. Большое будущее для них – почти неизбежность.

Интуиция подсказывала Коляну, что его путь еще не однажды пересечется с дорогой «демократа». На первых порах следовало приручить этого медведя, чтобы в один прекрасный день он не прокусил кормившую его руку. За домом Гордеева Радченко установил наблюдение, и лидер партии даже не подозревал о том, что едва ли не каждое его тайное свидание записывается на пленку. Интересно, что сказала бы его добропорядочная женушка, если бы узнала, что последней привязанностью Павла Несторовича стала семнадцатилетняя студентка колледжа?

– Можете всегда рассчитывать на мою помощь, Павел Несторович, – Николай постарался придать своему голосу проникновенность.

Глава 15 СХОДНЯК

– Колян, мы пришли к тебе с миром, – сказал Артем Резаный, самый известный из всех присутствовавших авторитетов. Резаный обвел взглядом сидящих и спокойно продолжал: – Война нам не нужна. Очень неприятно жить, когда знаешь, что кто-то ходит за тобой на цыпочках, сжимая в руке топор. Я не говорю уже о том, что война сильно бьет по нашему бизнесу.

Все явились без оружия, как было оговорено заранее. Каждый мог взять на стрелку только одного телохранителя, и сейчас плечистые парни в угрюмом молчании стояли за спинами боссов.

После смерти Назара авторитеты впервые собрались вместе. «Фиалка» для предстоявшего сборища была идеальным местом. Ее преимущество заключалось, во-первых, в том, что бар находился в самом центре города – некая свободная экономическая зона, где свою долю имел каждый из присутствовавших воротил. Во-вторых, авторитеты города уже не однажды собирались в этом баре, и каждый чувствовал себя здесь почти как дома, тем более что за прошедшие несколько месяцев в «Фиалке» ничего не изменилось.

Обычно посетителей в баре обслуживали девушки – длинноногие молодые красотки в юбках настолько коротких, что из-под них виднелись трусики.

Но в этот раз бар был пустынен.

На организацию встречи каждый из авторитетов выделил Николаю Радченко солидную сумму. Ножки столов чуть ли не подгибались от деликатесов.

– Колян, я не хочу говорить грубых слов, но ты вмешиваешься не в свое дело. Вспомни, чем ты занимался раньше? Обувал лохов! Так и делал бы то же самое дальше. А здесь уже все отлажено, все отмерено и отстегнуто кому надо, – четко выговаривал каждое слово Пятак. Зубы у него были сплошь золотые, и пламя свечей весело плясало на благородном металле. – Ты никогда не задумывался над тем, что все ниши уже заняты и ты просто лишний?

Николай оставался невозмутимым. Создавалось впечатление, будто обидные слова предназначались для кого-то другого. Только один раз губы его снисходительно дрогнули, когда Пятак эффектно завершил свою тираду.

– Позволь мне не согласиться с тобой, Пятак, – мягко вмешался авторитет по кличке Бес. Ему было сорок пять, он был старше всех присутствующих. Многие с почтением именовали его Батей. За его плечами был колоссальный уголовный опыт, по существу, он являлся ходячей тюремной энциклопедией. За ним прочно закрепилась репутация человека с понятием, способного разрешить любой конфликт. Не случайно именно его приглашали улаживать споры, которые могли завершиться большой кровью. – Для каждого из нас есть место под солнцем. Работы хватит на всех. Другое дело, что мы не должны мешать друг другу, должны обговаривать правила, по которым каждый из нас должен работать. Однако у меня создается впечатление, что ты, Коля, сознательно попираешь все правила.

– Я не спрашиваю, кто грохнул Назара. Но тот, кто это сделал, должен помнить, что ни одно злое дело не остается безнаказанным. Как говорят у нас, если не хочешь, чтобы тебя убили, не убивай сам, – сказал Пятак и многозначительно посмотрел на Радченко. – Ладно, это как бы между прочим... Но я хочу сказать, что наследники Назара ведут себя так, будто, кроме них, никого больше не существует. Подобные действия называются беспределом. На зоне за такое отправляют в петушатник.

Сказано было сильно. На минуту в баре установилось предгрозовое затишье.

– Не будем ссориться, братва! – Голос Беса прозвучал на удивление мягко, а интонации были настолько вязкими, что, казалось, способны были успокоить всех присутствующих. –

В конце концов, мы собрались здесь не для этого. Давайте отведаем балычка, икорки, попьем пива, посмеемся, а там и решим, что нам делать.

Разговор не заладился с самого начала. Гнетущее напряжение ощущали все присутствующие. Один Николай был невозмутим – он энергично кромсал ножичком куски мяса и с аппетитом отправлял их в рот.

– А мы и не ссоримся, – печально улыбнулся Игорь Прохоров, или просто Прохор. – Мы уже не первый год живем на этой земле и уж как-нибудь сумеем отличить правду от туфты. Пятак был не прав, когда сказал, что Колян действует как беспредельщик. Мне думается, что все намного хуже. Он поступает как типичный мент! А ведь он проучился в милицейской школе всего год. Трудно представить, что было бы, если бы наш Коля одолел всю ихнюю науку. По нашим блатным понятиям, лягавый должен сидеть у двери. А наш Николай, как первейший из людей, восседает во главе стола. Вот что я хотел тебе сказать, Коленька: ты не туда лезешь. Здесь все места заняты, и, если ты набрал в свою команду три десятка отмороженных, которые не способны даже сосчитать до десяти, это не значит, что ты сумеешь скрутить нас в бараний рог. Прежде чем принять твое предложение и прийти в «Фиалку», мы переговорили между собой... – Прохор многозначительно выдержал паузу. – Мы тебя воспринимаем как скверную погоду, которая скоро должна закончиться. Нам не по душе твоя активность, дружок! Возможно, у кого-то другого твои успехи и вызвали бы уважение, но только не у нас. На своем веку мы повидали всяких фраеров. А потом, есть такая славная примета: кто ретиво начинает, тому очень быстро сворачивают шею.

– Уж не ты ли мне ее свернешь? – оторвавшись от еды, спросил Колян.

– Не переживай – не я, но охотников найдется предостаточно.

– Братва, давайте не будем ссориться, а то через минуту мы начнем бросать друг в друга тарелки, – попытался разрядить напряжение Бес. – Жратва-то здесь отменная.

– Паша, мы очень ценим твой юмор, но сейчас он неуместен, – произнес Пятак. – Разговор идет об очень серьезных вещах. Здесь нас десять человек, и нам всем очень не по душе стремительный взлет Коляна. Он не считается с нами, а это очень скверная привычка – не уважать людей.

В правой руке Пятак держал на весу вилку, и создавалось впечатление, будто он готов броситься с ней в атаку.

– Самое большее, что мы можем выделить тебе, Колян, так это оставить за тобой «Фиалку», да и то с условием, что пятьдесят процентов прибыли ты будешь отчислять в наш общак.

– Интересное предложение. Его нужно будет обмозговать на досуге, – усмехнулся Радченко.

– У тебя на обдумывание всего лишь сутки, – произнес Прохор. – Потом ты должен будешь оставить те территории, которые незаконно занял и которые всегда считались общаковскими. Город, в котором мы живем, – воровской город, а значит, порядки здесь должны быть правильные, а не бандитские. Это наш ультиматум.

– А если я все-таки не соглашусь?

– Тогда пеняй на себя... Не будешь же ты все время сидеть в четырех стенах.

Прохор был уважаемым человеком в городе. Он контролировал вокзал и несколько казино. Первый срок он заработал в шестнадцать лет за убийство, хотя любому оперу было известно, что мокрого дела он не совершал, а взял на себя вину, чтобы выгородить великовозрастных подельников.

Скорее всего, ультиматум был идеей Прохора, и остальные ее просто поддержали.

– Жаль, – печально произнес Радченко. – Вижу, вы так и не поняли, с кем имеете дело. Я вам не мелкий дождичек, которым можно пренебрегать. Я катаклизм природы, с которым следует считаться. Я вас долго слушал, теперь вот вам что скажу... Вы должны оставить

город. Навсегда! И знаете почему? Потому что сюда пришел я и мне с вами тесно. Вы мне дали сутки? Это очень великодушно с вашей стороны. Я же вам даю десять минут. У меня большие планы, поэтому мне некогда разбазаривать время. Тот, кто ответит «нет», может считать себя покойником. Он вообще не выйдет отсюда! Вы называете меня беспредельщиком? Что ж, я не против. Хорек, выйди сюда, пусть наши гости поймут, что в вопросах бизнеса я шуток не люблю.

Из соседней комнаты вышло несколько человек с укороченными автоматами. Первым был Хорек. Ткнув стволом в грудь Прохора, он со смехом объявил:

– Время твое вышло!

Парень, стоявший за спиной Прохора, вскинул руку, в ней оказался нож. Свободной рукой он ухватил за волосы Хорька и, приставив клинок к его горлу, истошно заорал:

– Всем стоять!

Раздался хлопок. Именно такой звук бывает, когда под потолок, радуясь освобождению, вылетает пробка из бутылки шампанского. Парень, обрызгав Хорька кровью и ошметками мозга, повалился на пол.

– Ай-яй-яй! Как вы глупо попались, – произнес Колян, неторопливо пряча пистолет «Глок» в карман пиджака. – Такая неприятная встреча, а вы без оружия. Ну, так что скажешь, Прохор? Или хочешь отправиться вслед за своим телохранителем? Жду от тебя ответа.

– Я согласен на твои условия:

– Ну вот! Я нисколько не сомневался в том, что мы придем к консенсусу. Так, кто у нас следующий?

– Я знал, что ты беспредельный малый, но чтобы настолько! – потемнев лицом, воскликнул Пятак. – Неужели ты думаешь, что это сойдет тебе с рук? Неужели ты собираешься и впрямь всех нас перестрелять? Мы не иголка в стоге сена, многие знают, куда мы отправились.

– Кто это у нас там пищит? – весело спросил Колян, повернувшись в сторону Пятака. – Еще один кандидат в покойнички? Я же русским языком вам говорю, что это мой город, и я ни с кем из вас не желаю делиться ни деньгами, ни властью! А что это вы вдруг приуныли? Мне кажется, вас нужно развеселить. Пятак, а почему бы тебе не сплясать для моих уважаемых гостей? Молчишь? Как мне понимать тебя: ты их не уважаешь? Так кто из нас тогда больший беспредельщик, ты или я?

Радченко вразвалочку приблизился к Пятаку и ткнул его стволом пистолета под подбородок.

– Очень тебя прошу, станцуй для нас. Пусть это будет что-нибудь зажигательное. Как ты относишься к «Цыганочке»? Молчишь? Значит, не возражаешь.

– А пососать не хочешь? – скривил губы Пятак.

Раздался хлопок. Ноги у Пятака подломились, и он повалился на пол.

– Господи, какая непоправимая утрата, – процедил Радченко. – А теперь вот что: мне надоел этот бездарный театр. Хорек, сгони всех в подвал, пускай как следует подумают, кто же в городе хозяин.

Хорек ударил Беса прикладом в спину:

– Милости просим, ваше сиятельство!

– Длинная лестница, начинаясь за стойкой бара, вводила в подвал. Кроме подсобных помещений, где хранилось вино, в самом конце подвального коридора располагалась большая комната – в ней покойный держал должников. Случалось, что бедняги проводили в сырости многие недели до тех пор, пока родственники не доставали требуемую сумму. Это местечко у многих авторитетных посетителей «Фиалки» являлось предметом шуток, но никто из них даже в мыслях не допускал того, что ему придется побывать в нем.

– Вы бы поаккуратнее, ваша милость, как бы вам ноженьки не поломать! – прикрикнул на Беса Хорек. Матерясь вполголоса, мужики гуськом двигались по узкому коридору. – Дверь открывай! – по-хозяйски распорядился Хорек.

– Милости просим, – распахнул перед гостями дверь Захар. Вместе с их телохранителями авторитетов прикладами затолкали в тесное помещение.

– Ну что, хозяева города?! – злорадно гаркнул Хорек. – Здесь вам самое место. Громко брякнул чугунный засов, отгородив «хозяев» города от бойцов Коляна. – А с покойничками-то что делать? – поднявшись наверх, поинтересовался Хорек, бросив брезгливый взгляд на распластанные тела.

Николай аппетита не потерял. Сильными челюстями он уверенно вгрызлся в белое куриное мясо.

– А ты, Хорек, покойничков-то боишься, – печально укорил Колян подручного. – Нет у тебя психологической закалки. Когда я учился в ментовской школе, так у нас был такой тест – нужно было провести в морге пару деньков. Поначалу кусок в горло совсем не лез, а потом ничего, привыкали. Уж больно жрать хотелось! Жмурики, они и есть жмурики, – заметил Колян философски и слизал с пальцев потеки соуса. – Спрашиваешь, что с ними делать? Разруби на куски, а потом вывези на свалку.

Курица была съедена. Колян небрежно бросил обглоданную кость на пустую тарелку, и тонкий фарфор издал мелодичный звон.

Хорек и Захар переглянулись. В последнее время шутки Коляна стали зловещими, но на этот раз он, похоже, не шутил.

– И вот еще что: приберите здесь, как следует, чтобы крови не было. Как-никак назавтра нам принимать посетителей, а мне бы очень не хотелось, чтобы за нашим баром закрепились дурная репутация.

Глава 16 ОБЪЕКТ УШЁЛ В АУТ

Два человека неторопливо шагали по Пречистенской набережной.

– Как вы и предполагали, Владислав Геннадьевич, Госснабвооружение – это государство в государстве. По-существу, оно подчиняется только Президенту. Но сам понимаешь, наш хозяин не вездесущ! У них сильные позиции во всех структурах власти. Имеются свои люди в Думе. Так сказать, небольшое крепенькое лобби, готовое за интересы Госснабвооружения порвать глотку любому, – докладывал Чижевский.

Варяг не прерывал его, только иной раз слегка кивал, тем самым давая понять, что доклад ему интересен. Несколько дней назад был подписан приказ о назначении его в штат Госснабвооружения. Планов было громадье, и, прежде чем перешагнуть порог огромного серого здания, он желал знать существующий расклад.

– Эту группу лоббистов возглавляет некто Заварзин Павел Петрович. С виду личность так себе, неприметная. Одевается неряшливо, галстук постоянно в жирных пятнах, но первое впечатление обманчиво – умен, как Сократ!

– Вы покопались в его прошлом? Есть зацепки? – поинтересовался Варяг.

– Разумеется, но ничего особенного не отыскивали. Если не считать того, что в студенческие годы он был завербован КГБ. На пятом курсе от него забеременела однокурсница. Его хотели исключить за аморалку, но тут вмешалось всесильное ведомство, и дело тут же замяли. В нынешние времена такими вещами никого не удивишь. Сейчас он примерный семьянин, обожает двух своих дочек и ежемесячно помещает на свой банковский счет сорок тысяч долларов. В сравнении с левыми доходами других чиновников он не так уж и богат, но, судя по всему, лучшей доли не ищет и жизнь его вполне устраивает.

– Николай Валерьянович, это ты назвал сильные черты его характера, меня же интересуют слабости.

– Слабости? – Чижевский на секунду задумался. – Привязанность! Он очень сошелся с Платоновым и теперь бегаёт за ним, как собачонка.

– Неплохо. Возможно, нам это пригодится. Как ты думаешь, он способен работать прямо на нас, в обход Платонова?

– Сложный вопрос. Скорее всего, откажется.

– Жаль, нам очень пригодилась бы его помощь. И вообще поддержка в Думе никогда не помешает. Как по-твоему, Николай Валерьянович?

Чижевский давно усвоил, что Варяг никогда не интересовался чужим мнением просто так. Наверняка он уже принял какое-то решение и ждет подтверждения своим выводам.

– Конечно, Владислав Геннадьевич, мы копаем в этом направлении. Кое-кого уже привлекли на свою сторону.

Варяг не спешил. Иногда он останавливался, чтобы посмотреть, как рыбаки с длинными удочками в руках, замерев над гранитным парапетом, пытаются подсесть неосторожную рыбку. Лицо его было непроницаемо.

– Я вот что тебе скажу, полковник, – заговорил, наконец, Варяг, – действуешь ты верно, но меня интересует Заварзин. Со своей стороны я тоже наводил о нем кое-какие справки. Кроме того, что он умеет брюхатить юных девиц, в кумовьях у него состоит заместитель председателя верхней палаты. Так что он мне нужен! Предлагай ему любые деньги, уговаривай, наконец, объясни ему, что мы собой представляем, но он обязательно должен быть нашим!

Чижевский замедлил шаг. Варяг мгновенно обратил внимание на перемену в настроении полковника.

– Что-нибудь хочешь добавить, Николай Валерьянович?

– А как поступить, если он все-таки не согласится?

– Ты меня начинаешь удивлять, Николай Валерьянович. Неужели мне учить бывшего полковника КГБ?

С Москвы-реки подул сильный ветер, который мгновенно растрепал аккуратную прическу Варяга и сделал его похожим на задиристого мальчишку.

– Я все понял. Разрешите выполнять, Владислав Геннадьевич? – почти по-уставному спросил полковник.

– Сколько уже лет прошло, а военная косточка по-прежнему в тебе сидит, – не то похвалил, не то укорил его Варяг. – Выполняй.

* * *

Павел Петрович Заварзин поставил машину на сигнализацию и затопал от стоянки прочь. Метров через двадцать он обернулся и не без удовольствия отметил, что его «Тойота» выгодно отличается от стоящих рядом машин не только благородным цветом, но и современной каплевидной формой. В салоне машины на передней панели ярко-красной точкой мигал маячок, призванный отпугивать автомобильных воров. Особой гордостью Заварзина был номер его машины, благодаря которому инспектора чуть ли не честь отдавали темно-зеленой «тойоте».

Заварзин был из тех людей, которые не строят относительно своего будущего блистательных иллюзий. Он всегда довольствовался минимумом, а свое сегодняшнее положение воспринимал как выигрыш в лотерею. Разве мог он предположить три года назад, что станет заседать в Государственной Думе и сможет едва ли не пинками распахивать двери высоких кабинетов, а начальник Госснабвооружения делается одним из ближайших его друзей? Павел Петрович остановился у края проезжей части, терпеливо пропустил все машины и зашагал через дорогу. Плотный, слегка рыхловатый, он выглядел весьма заурядно, практически ничем не отличаясь от большинства мужчин среднего возраста, которых мы каждый день видим в толпе. К сорока годам многие из них прибавляют в весе, начинают быстро лысеть и становятся убежденными домоседами.

В принципе жизнью своей он был доволен. Единственное, что его настораживало в последнее время, так это шумиха вокруг Госснабвооружения, поднятая прессой. Впрочем, для шумихи имелись причины: в крупнейшей фирме ВПК за последний месяц были застрелены три человека, занимавшие ключевые посты. Все три убийства отличались профессионализмом: в первом и во втором случаях два выстрела, первый в сердце, второй в голову, а в третьем случае киллер обошелся одной пулей: очевидно, он знал, что его клиент не расстанется с пуленепробиваемым жилетом, и выполнил заказ выстрелом в глаз, что смахивало на некий шик профессионального охотника.

Павла Петровича Заварзина пугало то, что он лично знал каждого из погибших и кроме заурядной выпивки их связывали общие дела. Именно по их просьбе Павел Петрович проталкивал документы о продаже на Ближний Восток ракетных установок. Тогда он сумел победить своих оппонентов с разницей всего лишь в четыре голоса, а Платонов перечислил на его берлинский банковский счет пятизначную сумму в долларах.

Павел Петрович всерьез опасался, что смерть чиновников из Госснабвооружения может привлечь внимание и к его персоне, однако следователи из МУРа почему-то его не трогали.

Настораживало молчание Платонова – он не давал о себе знать уже двое суток, хотя совсем недавно названивал по три раза в день и щедро делился успехами, рассказывая о том, как сумел сплавить в Африку списанные ПТУРСЫ. Случалось, он заводил разговоры и посе-

рьезнее. Так, например, полгода назад Платонов поделился своими амурными проблемами. В одном из его отделов работала секретаршей девушка восемнадцати лет. Она-то и забеременела от Платонова. Генерал-лейтенант настаивал на аборте, но девица, проявив завидную твердость, отказалась. Несколько месяцев Андрей Егорович пребывал в тревожном ожидании, а когда любовница разрешилась от бремени, он выдал ее замуж за молоденького старлея, пообещав ему внеочередное воинское звание. Неделию назад Заварзин поинтересовался у Платонова, как развивается армейская мелодрама, рассчитывая услышать продолжение сентиментальной истории, но, к его удивлению, Андрей Егорович не стал развивать тему. Он рассеянно выслушал язвительно улыбавшегося Заварзина, брякнул что-то невпопад и отошел в сторонку. Следовало догадаться, что это – весьма тревожные симптомы, голова Андрея Егоровича была занята чем-то новым и очень важным.

Накануне вечером, в перерыве между заседаниями, к Павлу Петровичу подошел маленький худенький человечек. Заварзин знал в лицо всех депутатов и не мог представить, каким образом этот человечек сумел преодолеть кордоны многочисленной охраны и оказаться в зале, куда не допускалась даже пресса. Новый знакомый представился Артуром и повел себя предельно откровенно – так мог действовать человек, который чувствовал за собой колоссальную поддержку, или самый заурядный провокатор. Артур предложил сотрудничество с некой мифической организацией, которая по своим возможностям способна, как он уверял, превзойти любую масонскую ложу. Заварзину предлагалось отстаивать интересы тайной организации в Думе, за что он будет получать ежемесячное крупное вознаграждение.

Павел Петрович в тот раз сумел перевести разговор в шутку, упомянув и китайскую «Триаду», и итальянскую «Коза ностру», но когда они расставались, Артур многозначительно улыбнулся и сказал, что к Павлу Петровичу еще подойдет через день с тем же вопросом.

Два последующих дня Заварзин провел в тревожном ожидании, но ни в перерыве, ни во время заседаний его больше не тревожили. Состоявшийся разговор можно было бы принять за плод разгоряченного воображения, если бы не визитка, которую Артур оставил собеседнику на память, – кроме имени и фамилии на красноватой картонке был изображен крест, у верхней перекладины которого парили в воздухе два ангелочка в легких хитонах.

Тогда ему показалось, что изображение напоминало воровскую татуировку, но он тут же отбросил эту нелепую мысль.

Дорога к дому проходила через небольшой, но очень уютный скверик с аккуратно постриженными кустами. Заварзин любил выходить сюда после обеда, чтобы выкурить сигарету и не спеша полистать свежую газету. Несмотря на наличие асфальтовых дорожек, через многие газоны, как водится, были протоптаны тропинки, и Павел Петрович сам не однажды грешил тем, что пренебрегал порядком и безалаберно топал прямо через газоны. На сей раз по тропинке ему навстречу шел человек огромного роста и атлетического телосложения. Заварзин почти разминутся с ним, как вдруг верзила неожиданно произнес:

– Вы подумали над нашим предложением, Павел Петрович?

Павел Заварзин повернулся к незнакомцу.

– О каком предложении вы говорите? И кто вы такой? Я вас не знаю.

– Возможно. Но пару дней назад к вам подходил в Думе наш представитель.

– Ну? Значит, он от вас? И вы тоже из той могущественной организации, о которой он говорил?

– Да. Давайте поговорим спокойно где-нибудь в сторонке, а то мы тут перегораживаем тропу, да и внимание ненужное к себе привлекаем. А наша организация этого не одобряет.

– Что ж, пойдёмте.

– Они нашли свободную лавочку под высокой развесистой липой. Мужчины сидели совсем рядышком, едва не касаясь друг друга локтями, и Заварзин ощущал себя тщедушным подростком рядом с этим таинственным незнакомцем.

– Не удивляйтесь, но мы знаем о вас очень многое. – Незнакомец распечатал пачку сигарет, чиркнул простенькой газовой зажигалкой. Пламя веселым бесенком выскочило между пальцев и опалило кончик сигареты. – Но нас совершенно не интересует ваша личная жизнь. Мы люди дела, а потому предлагаем вам конкретную работу.

– Что вы имеете в виду?

Великан пыхнул дымом, словно небольшой вулкан.

– Послезавтра в Думе будет рассматриваться проект о помощи Ирану:

– Оружием, вы хотите сказать?

– Вот именно. Мы хотели бы, чтобы вы поддержали проект и приобрели среди депутатов сторонников.

Подноготная иранского вопроса была известна в Думе ограниченному кругу лиц. Даже сам Заварзин не входил в число посвященных и узнал о проекте через Платонова. Генерал очень резко отзывался об этой идее, которая, по его словам, в случае ее воплощения сулила России большие неприятности от стран Запада.

– Вы как-то заинтересованы в этом проекте?

Наивный вопрос Заварзина вызвал у верзилы невольную улыбку.

– Разумеется. Думаю, не нужно объяснять вам весь механизм операции. Это долго, да вам и ни к чему. Остановлюсь только на основных моментах: мы напрямую вышли на людей из министерства обороны Ирана, и они предлагают нам за выполнение проекта очень неплохие деньги.

Верзила усмехнулся:

– Или, по-вашему, надо отказаться от больших денег? Хочу добавить, что если вопрос решится положительно, то от дохода с этой акции вы получите неплохой процент... Во всяком случае, на такие деньги вы сможете жить несколько лет, скажем, в Париже, ни в чем себе не отказывая.

Верзила умолк, бросил окурок себе под ноги и растоптал его каблуком.

– Возможно, меня и интересует ваше предложение, но вы мне так и не сказали, кого именно вы представляете.

– Ах вот оно как, кроме денег вас интересуют еще фамилии! Извините за цинизм, – хмыкнул верзила. – А ведь есть такая поговорка – деньги не пахнут. Хорошо, я вам отвечу. Вы слышали что-нибудь о ворах в законе?

По спине Павла Петровича пробежал холодок – пренеприятнейшее ощущение.

– Предположим.

– Так вот, я один из них. Мы располагаем большими деньгами, большими возможностями и очень не хотели бы, чтобы наше сотрудничество стало разовой акцией. Мы за развитие долгосрочных отношений.

Заварзин слышал о том, что уголовники общаются на своеобразном языке, называемом «феней» или «блатной музыкой». Но его собеседник говорил нормальным русским языком и больше смахивал на министра культуры, нежели на заурядного урку.

Подобную встречу могла организовать ФСБ – в «конторе» любят всякого рода театризованные действия. Заварзин даже слышал о том, что уроки перевоплощения молодым чекистам дают чуть ли не профессора московских театральных училищ. От такого предположения Павла Петровича бросило в пот. Его правая рука слегка дрогнула, и он невольно опустил ее на колени, опасаясь, что верзила способен прочесть его мысли.

– Мне нужно подумать. Скажем, день.

Верзила отрицательно покачал головой.

– Вы даже не представляете, какое огромное количество людей задействовано в этом проекте. Мы с вами всего лишь пешки, и от нас ждут немедленного ответа. Поэтому времени у нас, точнее, у вас всего лишь полчаса. Или вы идете с нами до конца, или мы встаем с этой скамьи и каждый идет своей дорогой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.